

***Остался в сердце
вечный след войны***

Издание
для
слабовидящих

**Муниципальное учреждение торопецкого района
«Торопецкая центральная библиотека»**

***Остался в сердце
вечный след войны***

Народная летопись

***Торопец
2019***

От составителя

Великая Отечественная война оставила большой след в истории каждой семьи. Воспоминания людей, переживших те страшные годы, позволяют нам узнать новые факты и события, о которых нельзя прочитать ни в каких учебниках, помогают глубже понять трагедию той страшной войны.

Предлагаемый вниманию читателей 5-й сборник из серии «Народная летопись» не совсем обычный. В него вошли не только воспоминания, написанные в последние годы. Несколько пожелтевших листочков из обычной ученической тетради, исписанных мелким почерком, нашла в бумагах своей матери Марии Петровны Александровой уже после её смерти дочь Г.М. Александрова. Жительница Волока Елена Сергеевна Лазеева свои воспоминания написала в далёком 1988 году. Рассказ о военном лихолетье В.С. Пажетнова представляет собой главу из его книги «Моя жизнь в лесу и дома». Воспоминания некоторых из авторов сборника были опубликованы на страницах районной газеты «Мой край».

Всё дороже и важнее для нас становятся документы, в которых ничего не придумано и не переосмыслено.

Мы должны бережно хранить народную память о Великой Отечественной войне и передавать её из поколения в поколение.

Мария Петровна Александрова

Родилась я в 1914 году в городе Торопце, в котором я провела детские годы, училась, была пионеркой, и период юности. Свои комсомольские годы провела по месту жительства родителей на станции Старая Торопа.

В 1938 году я вернулась в город, в котором продолжала жить, работать и нахожусь сейчас на заслуженном отдыхе.

Вспоминается день 22 июня 1941 года. В 12 часов дня радио принесло нам печальную весть о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Какое это было горе для нашего народа.

Начались мобилизация и отправка мужчин на фронт. 24 июня со станции Торопец, я проводила мужа Михаила Васильевича в сторону Великих Лук. Был подан длинный состав товарных вагонов. Кругом были слёзы, горе расставания с близкими дорогими людьми. Все мужчины прощались со своими родными и уходили от нас в вагоны. Состав тронулся и мы, женщины остались на перроне каждая со своим горем. Вернувшись домой, надо было думать, как жить дальше, как работать, чтобы своим трудом помогать разгрому фашистов.

Мне было очень тяжело, я осталась с тремя детьми – девочками и ожидала рождения 4-го ребёнка. Работала я на Торопецком райпромкомбинате счётным работником. Мне был положен декретный отпуск, но я от него отказалась и продолжала работать, так как женщины в любой работе заменяли мужчин.

В центре города на здании телеграфа был установлен радиорупор и когда передавали сводки информбюро диктором Левитаном, собиралось много народа, чтобы услышать положение дел на фронте.

Вести были печальные. На улицах города появились первые беженцы, которые проезжали через город и ехали дальше от фронта.

Первый раз фашистские самолёты бомбили город 24 июля 1941 года. Бомбы были сброшены на железнодорожный мост через реку Торопу. Но город жил, работал, несмотря на все волнения. С каждым днём мы видели всё больше перемещения войск и эвакуированных людей. Всё чаще долетали до нас фашистские самолёты. Так жила я со своей семьёй до 19 августа, когда мне пришлось оставить детей и пойти в роддом. Родилась у меня четвёртая девочка. 20 августа бомбили фашисты город и бомбы были сброшены на здание больницы, где находились женщины с новорожденными детьми и другие больные, но они перелетели через здание и упали в озеро.

23 августа под расписку я вышла из больницы и на улицах города увидела ещё большее скопление и передвижение войск и эвакуирующихся людей. Ещё не окрепнув я должна была решить, как и куда выехать с ребятами. Но меня в трудную минуту поддержали друзья В.Ф. Милютина, А.И. Козлов. И вот я вместе с ними 26 августа поехала в сторону Андреаполя в серёжинский район в деревню Курцево. Дальше продвигаться нам было не на чем, и мы остановились.

Я была ещё слаба, да четверо детей: старшей 8 лет, младшей 7 месяцев.

30 августа 1941 года примерно около 12 часов мы услышали приближающийся гул мотоциклов. Это примчались немцы, фашисты, которых мы видеть не хотели, которые причинили нам столько горя. И так мы оказались в оккупации.

Через наших людей узнали, что 29 августа наши войска оставили город Торопец. Прекратилась связь с фронтом. Жить становилось с каждым днём всё

тревожнее. До 16 октября мы жили в деревне, а больше жить немцы нам не разрешили, отправили в город по месту прежнего жительства.

Как тяжело было возвратиться в город, где хозяйничали фашисты. Трудно всё это спустя столько лет вспоминать, как будто вновь всё проходят перед глазами эти фашистские изверги.

В городе мы узнали, что немцы повесили наших партизан, товарища моего мужа по работе Евграфьева Василия, собрали евреев и расправились с ними путём расстрела. И вот в конце декабря месяца всё оставшееся в городе взрослое население немцы загнали по большим помещениям и церквам. Мы не надеялись увидеть своих детей, так как продержали нас целый день. Потом проверили документы и распустили по домам.

С каждым днём жить становилось всё труднее. Нечего было купить, делились между собой чем могли, ходили в деревню, кто что подаст. Я ходила с маленьким ребёнком на руках в Хворостьево. Старших ребят отправляла к немецким солдатам за объедками. Были сделаны ведёрки из консервных банок. Иногда они приносили в них остатки супа.

Немцы называли нас русскими свиньями, унижали, оскорбляли нас как могли, радовались свои успехам, но мы надежды не теряли, твёрдо знали, что для фашистов наступит час расплаты и дождалась, когда наша армия освободила нас. Это было 21 января 1942 года. Сколько было радости, когда мы увидели своих солдат освободителей, которые успокоили нас, уверили, что победа будет за нами.

И вот началась жизнь в освобождённом городе, разгромленном фашистами. Всё трудоспособное население вышло на работу, куда требовалась рабочая сила. Я пошла работать в Торопецкий

райпромкомбинат где работала до войны. Немцы похозяйничали на нашем предприятии, оно им было нужно – с него они освещались, пилили лес на доски, мололи зерно, чесали шерсть, которую отбирали у населения. Я была бухгалтером, поэтому мне велели вести учёт шерсти, награбленной по деревням, раздавать её горожанам, чтобы они вязали носки и варежки для немецких солдат. Я прикидывалась неразумной, мол, не понимаю по-немецки. Не хотела помогать врагам. Подругам своим советовала – делайте вид, что вяжите, а сами не спешите, скоро придут наши. Так и вышло. Уже после освобождения города освобождения города из этой пряжи навязали носки, варежки и к 23-му февраля 1942 года - Дню Красной армии отправили 2 посылки в действующую армию под деревню Ильино.

Жить стало веселее, хотя и трудно было. Выдали хлебные карточки, стали получать регулярно хлеб. В марте месяце 1942 года начали работать школы. Старшую дочь отправила в 1-й класс, хотя ей уже был 9-й год. Тетрадей не было, так мы линовали книги и на них ребята писали.

На работе произошли изменения, с конторы меня направили работать на мельницу. Мельница нашего райпромкомбината молола зерно на муку для города и действующей армии, а также из зерна делали крупу для обеспечения армии. Работали много, сутками не ходили домой. Так как с фронта из-под Ильино часто приезжали по ночам за мукой и крупой. Вот так и спали на мельнице, ожидая транспорт с фронта. Каждая женщина не считалась с трудностями, старались работать так, чтобы помогать разгрому фашистов.

Несмотря на все эти трудности жить стало интереснее. Наладилась связь, я стала получать с фронта письма от мужа, который находился на

Ленинградском фронте, героически дрался с фашистами. Он был награждён орденом Славы и многими медалями. В 1943 году он был тяжело ранен, лечился в госпитале под Курском.

С большими трудностями, с большими потерями дождались мы долгожданной Победы. 9 мая 1945 года. Это был настоящий праздник для нашего народа.

Началась мирная жизнь, восстановление разгромленного фашистами народного хозяйства.

Моисеенко Евгения Захаровна

Родилась я 2 ноября 1929 года в деревне Закринье Куньинского района Псковской области. На полу бани, с повитухой, такие были «роддома» как говорила моя мама Григорьева Татьяна Владимировна (урожденная Милохина). Отец Григорьев Захар Степанович, был сыном волостного старосты, и увёл свою Ташу с ярмарки. Женился на ней несмотря на недовольство родителей невесты. Там же в Закринье родился мой младший брат Толя. Перед войной мы переехали в Великие Луки. Детство моё прошло в этом в городе. Был домик у нас на улице. Ботвина, № 7. Рядом была школа, куда я ходила. Мама работала на трикотажной фабрике. Отец работал на железной дороге сопровождающим товарных вагонов. Он был очень хороший, меня сильно любил. Наряжал меня, всё покупал мне, наряды и сладости. В 37-ом отец был репрессирован, осужден, провел в заключении около трех лет, освобожден досрочно в 1940 году. Когда я закончила 4 класса война началась. Отца призвали в армию, через год пришла похоронка и письмо от друга-сослуживца: его «снял» снайпер под Старой Руссой, когда он нёс пищу своему командиру. Две пули в грудь

и отца не стало. Он один из своих 4-х братьев не вернулся с войны.

Мы сначала и не понимали, что такое война, слышали разрывы бомб на вокзале, а потом пришли фашисты, было голодно, варили картошку в мундирах ребята ходили к немцам за едой с ковшиком. Они, что не доедят, нам принесут, выльют. А мы принесем домой, мама прокипятит, и мы все съедим. Женщины боялись ходить к немцам, посылали детей стоять за едой. Немцы не все были жестокими, особо не издевались. Я помню, как один из них сказал: «Зачем эта война, надо капут Сталина и Гитлера». Но самое страшное началось когда город стали освобождать наши солдатики. Немцы буквально уничтожали город, бомбили так, что не оставалось камня на камне. Разбомбят один дом, мы идем в подвал другого, потом опять разбомбят. Потом уже жили в вырытом блиндаже. Хорошо, что туда ни бомба, ни снаряд не попали, а то бы нас всех уничтожило. От Лук только 2 дома осталось... Мы не погибли, видно не судьба была. А по вечерам мы слышали как на другой стороне Ловати наша гармошка играет, а нам туда не попасть.

После освобождения мама с другими женщинами убрали трупы горожан с улиц из-под завалов, хоронили на братском кладбище. Случались и курьезы, когда проходя очередной двор, они зашли осмотреть сарай, а там... покойник в гробу! Сказали «ишь, какой господин! Вытащили и вместе со всеми в одну могилу положили...»

После Великих Лук пришлось уехать на станцию Жижица, где жила родственники, бабушка (мамина мама Мария Милохина), она и приютила беженцев. Мне было 12 лет, в школу в тот год я не ходила, пошла работать в швейную мастерскую, благо у меня была швейная машинка. Перешивала шинели солдатские,

так я стала труженицей тыла. Потом вновь была школа, семилетка, после - учеба в Наумовском ветеринарном техникуме, рядом с домом. Там на зоотехника готовили и на ветеринара, но я сказала, что буду учиться на ветеринара. После окончания меня направили работать ветфельдшером в деревню Пятницкое Торопецкого района. Из Пятницкого я часто бегала в родную Жижицу, на танцы в Наумово. Начальник отправил меня работать в Скворцово «чтобы не болталась».

А я и из Скворцова ходила в субботу на танцы - за 20 км до Жижицы, а в понедельник рано утром босиком назад к началу рабочего дня поспевала. Из Скворцова перевели меня в Пожню. Там судьба свела меня с Колей, свела на долгие 58 лет. Жила я тогда на квартире у председателя сельсовета Василия Петровича и его жены Таисии Гавриловны, дружила с их дочерью Лидой, впоследствии учительницей русского языка и литературы Лидией Васильевной Шаталовой.

Мне уже 26 лет было, одна знакомая мне и говорит: «Женя, приехал к нам молодой инженер из Ленинграда, вы с ним очень похожи, это – твоя судьба». Так и получилось.

Я бывало пройду по своему участку, все в порядке, возвращусь домой задолго до конца рабочего дня и шью или вышиваю, очень я любила шить. Сижусь за столом, шью, и вдруг председатель сельсовета заходит, меня в жар кинуло, а он с молодым человеком пришел, а я в рабочее время, дома. Посмотрел на меня Коля Моисеенко и влюбился, с первого взгляда, как говорят...Расписались. Родилась старшая дочь Наталья.

Когда Поженская МТС закрылась, Николая перевели в Торопец. Взяли его в «Сельхозтехнику»

завмастерскими. Так мы стали торопчанами. Построили дом, привезла к себе маму, она тогда сильно болела. Родилась младшая дочь Ольга. Я работала в деревне Малахи, там открыли станцию искусственного осеменения КРС. Сначала была такая деревянная избушка, потом построили хорошую станцию: бычник, выгородку, лабораторию, я там 10 лет проработала, заочно училась в Ленинградском ветеринарном институте, стала ветврачом. Потом меня перевели в ветбаклабораторию. Сначала она была в старом здании на улице Стрелецкой, а потом построили новое типовое здание на Полежаевой. Мы исследовали всех животных района, тогда не было лейкоза и др. опасных заболеваний я всегда повторяю слова, сказанные профессором нашего института «Врач спасает человека, а ветеринар – человечество». 15 лет я проработала в лаборатории и ушла на пенсию. Все последующие годы посвятила семье, вырастила 2 дочерей у обеих высшее образование, семьи, старшая живет в Белоруссии, младшая осталась в Торопце, у меня 4 хороших внука, все получили разное образование, трое женаты и у них растут 3 правнука, одни мальчишки, младшего назвали в честь погибшего прапрадеда Захаром в год 75-летия Победы.

Торопец свой я очень люблю всей душой и не променяла бы ни на Москву, ни на Питер, ни на Крым, в котором жила моя свекровь и брат Николая Алексей. Нигде нет такого красивого Бабкиного озера, на берегу которого стоит наш с Колей домик. Вот уже два года, как нет со мной моего мужа, грустно и горько, но радуется, что после меня будет здесь жить мой старший внук со своей семьей, что вновь будут звучать детские голоса, а значит, жизнь не кончается, продолжается наша семья, хоть и под другой фамилией. Новый хозяин и новая жизнь...

Любовь Ивановна Яковлева

Родилась в деревне Орлово Чистовского сельского совета в 1925 году. В семье нас было одиннадцать детей, я – третья, две старших сестры у меня, Вера и Надежда. Жили в колхозе «Новое Орлово», дом у нас был большой, просторный. Отец был председатель колхоза, мать тоже в колхозе, и мы работали, я косила, молотила – всё делала. Летом – в колхозе, остальное время в школе, первые классы я ходила в Желновскую школу, потом была Орловская, она в лесу считай стояла, потом школа в Стрежино. Учиться нравилось: мы и выступали, и по-военному нас учили, не к будущему ли готовили...

Перед войной я заболела, застудила лёгкие, и сестра, она в Луках училась, в фельдшерской школе, позвала меня подлечиться. Я прошла семь сеансов, оставалось ещё три, но врач отправила меня домой. Приезжаю на вокзал в Торопец – война! Я хоть приехала, а сестра пешком под бомбёжками с Лук до Торопца добиралась.

Когда немцы пришли, наше Орлово опустело, все ушли в лес, жили там в землянках. Потом стали понемногу возвращаться в свои дома. Фронт был недалеко от деревни, постоянно менялись то немцы, то наши. Только наши всё больше пешие шли, а немцы на мотоциклах ехали... я и сейчас, если загудит мотоцикл, порой вздрагиваю. Или на лошадях – лошади у них как на подбор, в белых пятнах – сидят верхачам и прут.

У нас и у соседей наших немцы всё обобрали, весь скот: свинью, нетель, даже кур не оставили. Мама говорит немцу: «Чем я буду кормить ребят?» – а он так повёл автоматом поверх голов: «Я сейчас накормлю» – она и замолчала. Страшно было, конечно, вон с соседней деревни женщины пошли в город за солью,

встретили немцев, от испуга побежали в лес, немцы их расстреляли.

Партизаны к нам приходили. В нашем доме собиралась молодёжь, сидели с лампами, окна плотно завешены. Партизаны постучат тихонько в окно, мы откроем, они долго потом с отцом сидят, разговаривают. Он им рожь, зерно давал, продукты, все, что они просили.

Потом немцев прогнали, но война-то не кончилась. В нашем доме был военный трибунал. В одной половине мы жили, а в другой суды шли. Приведут солдатиков, а они совсем дети, кто от колонны отстал, опоздал, отошёл в сторону... Нам хоть слушать не разрешали, но в старых домах такие отдушины, мы прильнём, всё слышно. Там два судьи было, как сейчас помню их фамилии: Васильев и Хавзин. Первый расстраивался очень, жалел солдат, а другой всё больше к расстрелу приговаривал... И хоронили их где знаю, только там сейчас всё заросло, деревень уже нет, там сейчас, говорят, лес рубят...

У нас в колхозе самые хорошие лошади были отданы военным, пушки возить, себе оставлены что придётся. Мы ведь не ели чистого хлеба, мама то добавляла в муку какие-то головыны, то картошку подмешивала. Потом старшей сестре, она работала учительницей, стали давать по десять килограммов муки на месяц, это нам помогало. В Белоруссию с папой ездили, швейную машинку на хлеб меняли. Привезли оттуда пуд зерна. Потом ещё несколько раз ездили, чего-нибудь привозили. Трудно жили. Не дай бог, конечно, не надо войны больше...

А когда война кончилась, мы работали, и нам с Пожен сообщили: победа! Не дай бог, конечно, не надо войны больше...

После войны одна из сестёр работала медиком в Торопце, на Гоголя был госпиталь, она позвала меня к себе, и я поехала. Жила в этом же дворе, что и сейчас, в соседнем доме, там у сестры была семиметровая комнатка. Это было в 45-ом, семьдесят лет я уже в Торопце. Год работала нянечкой в детском саду в Подгороднем, потом пошла к Трапезову, он тогда был директором швейной фабрики, устроилась туда в закройный цех, штамповщицей, потом стала швеёй. Брат тоже в Торопец приехал, в фельдшерскую школу пошел. Помню, быстрее накопаю картошки в солдатский котелочек, и на продажу, хлеба-то давали всего по 300 граммов, нам не хватало. Картошки продам, куплю на вырученные деньги хлеба скройку, оставлю брату, а сама на работу. Жалко, маме ничем не могла помочь, там ещё столько меньших было...

Потом вышла замуж, муж работал шофёром, родились двое детей, сын и дочка. Жили мы сначала в той комнатке семиметровой, потом перешли в освободившуюся контору. В церкви, что напротив дома стоит, тогда были то склад, то пекарня. У нас в деревне церкви не было, нас возила мама в церковь в Почеп. В нашей деревне престольный праздник был 21 сентября, Рождество Богородицы.

На фабрике я проработала до самой пенсии, получала грамоты, благодарности. Работала сначала в три смены, потом стало две. Трудно, конечно, но работа мне нравилась, жалею, что фабрику закрыли.

Лидия Ивановна Новикова

Родилась в 1932 году, пятой в семье, самой младшей. Отец умер через год после моего рождения, прямо в борозде – отказало сердце. Жили мы в деревне Прошково Лавровского сельсовета Западнодвинского

района. Большая деревня – 24 двора, широкая зелёная улица. По этой улице, когда пришел немец, нас всех выгнали из домов и погнали...

Школа была в пяти километрах от Прошкова, в деревне Заовражье, ходили туда пешком. Старшая сестра, с 1922 года, закончила всего 4 класса: надо было помогать маме. Вторая сестра, с 1925 года, училась в десятом и думала учиться дальше, но началась война. Потом её взяли в ФЗО, в Сталинске была.

Пришел немец, и наша учеба закончилась. Нас выселили из деревни, подальше от фронтовой полосы. Немцы приехали как раз во время обеда, через переводчика приказали, чтобы в 24 часа ни одной души в деревне не было. Все бегали, как дурные, у кого мужья были, те схватили и лошадей получше, и сбрую получше. А мама как была одна, ей досталась самая плохая сбруя, и плакала она, когда нас в телегу сажала...

Жили в Палкине, в Хвошне. Люди сочувствовали нашему горю и пускали нас к себе жить. Мама ходила в Гольяново за хлебом. Придёт оттуда и плачет, говорит: «Дети мои дорогие, нам плохо, нас выгнали, а там наши солдатики повешенные висят...»

Потом, когда прошли бои, вернулись мы к себе в Прошково. А там некуда идти, все везде разломано: ни окон, ни печек, холодно уже, дожди идут. Только окна вставили кой-какие, печки собрали, как приехали нас сжигать... Выгнали всех на собрание. Поле было у нас такое зелёное: дома друг от друга далеко, как вот здесь на Широко-Северной. Разделили: мужиков налево, женщин направо. А кругом уже дома горят, рушатся, крыши трещат, собаки воют, коровы ревут! Говорит немец: «Зачем мы вас собрали на собрание: мужей ваших будем расстреливать, а хаты ваши будем палить

– за то, что поддерживали партизан». Мужики сразу заплакали: «Мы сами только с выселки приехали, никаких мы партизанов не видели...». Как он крикнул: «Замолчать!» И сразу с пулемётов застрочили...

Моя мама, она сердечница была, упала и меня под себя. На меня упала, а я лежу и думаю, что мне не больно, только тяжело. Один немец подошел, маму поднял, говорит: «Матка, беги...» – и показал, куда все женщины побежали. Всё пылает, дождь идет, мы бежим. Слышим, ребенок грудной плачет, мама говорит: «Стой, Лида, возьмём его, это Толя Зинин...». У Зины ещё была девочка, два года, и он маленький, в пелёнках... Подобрали его, выскочили с этого огня, а кругом зарево, все бегает по пожне, кричат. Зина плачет, что Толика потеряла маленького, мои сёстры плачут: «Лиду с мамой убило»... Ну, слава тебе Господи, нашлись, встретились. Зато сейчас не могу телевизор без слёз смотреть, мне всё это на сердце падает...

...Была там большая-большая ёлка, мы все вокруг неё обметались, как пчёлы... а дождь всё идёт, дома гремят, рушатся, собаки воют, коровы, которых не выпустили, ревут, а которых выпустили, те разбежались. Конюшню открыли, кони ушли в лес. Сидим мы так под этой ёлкой, а немцы поехали, картавивши своё, песни играют, ракеты пускают. Поехали они от нас в Сувидово, там мужиков расстреляли. С Сувидова поехали в Заовражье, там тоже расстреляли.

День они лежали, эти мужики. К вечеру собрались наши женщины, поехали в деревню, попросили мужиков, которые не расстрелянные, те пришли, помогли выкопать могилу. В одну могилу и похоронили. Моих два дяди родных – все там... И в Василёве расстреляли мужиков, но не сожгли. Это два километра

от нас. И Синичино тоже два километра – проехали мимо. Наш большак с Торопца на Грядцы – по этому большаку они деревни жгли.

Наша деревня сгорела вся, а у всех были дома новые, здоровые, у кого даже по два дома было. Как у меня папа плотник, у нас пятистенка была, в ней жили, а другой сруб уже поставлен был – сыну. Так во всех, все были плотники. Один только дом остался не сгоревший. Дворы этого дома сгорели, и баня, и угол, казёнкой перегороженный... угол выгорел, казёнка эта сгорела, а сам дом остался цел – и полы, и крыша, всё цело. Всей деревней мы в этом доме жили. Потом стали разъезжаться к своим родственникам, у кого они были.

В этом доме была большая икона, на ней поп, ай, как его назвать?.. помню, палка золотистая в руках у него была... Сестра полезла мыть эту иконочку и нашла свёрток, газетой обёрнут, завязан ниточкой. И вот она этот свёрточек прочитала, а там написано святое письмо. Где это письмо находится, тот дом не сгорит. Стала моя сестра это письмо переписывать и другим передавать. Так и пошло и пошло, стали писать эти письма...

В этом доме мы прожили зиму. Жили бедно, ходили по деревням собирались, Христа ради милостыню просили. Давали хлеба, кто картошинку какую даст... Где это Пятиусово, мы даже такую даль ходили. Немцы не нарушили их, мы много там насобирали, а нести-то тяжело, нас в шат ведёт, прилегли на валу около линии, завалились и лежим под своими торбочками, а над нами поезд идет... Мама наша с голоду опухла, лежала, не могла вставать, мы её кусочками этими кормили. Рвали кислицу, наварим чугуна большой, а соли не было, так несолёную и ели. Потом в сельсовете список сделали, давали белой муки. Мы,

бывало, сходим за этой мукой, заварим такой бульончик, и маму поили этим бульоном.

Потом жили в Василёве. Там был такой сруб под крышей, но без потолка. В этой избе мы жили, как ветер задует, так замерзали. Летом мама поехала в Латвию, собираться. Не одна поехала, пять женщин их было. Оттуда она привезла хлеба много кусков, зерна привезла, по половине мешка, как могла поднять. За эту рожь, шесть пудов она привезла из Латвии, мама наняла плотника, а лес они со старшей сестрой сами заготовливали. Срубили нам избу. Этот мужчина добрый, он дружил с моим папой родным, сделал нам в избе одно окно только, больше нам не из чего было платить. Мама сама сложила такую чугунок, печку русскую не из чего было складывать. Так и жили. По миру походила. И совестно было. Бывало, придешь, там праздник гуляют, а мы ходим с торбочками с этими. стыдно...

После войны я снова пошла в школу, закончила 4 класса. Потом надо было работать, зимой чистили дороги, летом землю копали, шелюху собирали: картошки не было, сажали в землю шелюху картошную. Потом я дояркой работать стала в колхозе, тогда мне ещё 16 лет не было. В соседней деревне был праздник Спас, и захотелось всем пойти на него. Я была старшая доярка. Сепарировали молоко колхозное, ведро сметаны собрано было. Закрыла я этот амбар, где молоко и сметана стояли, да и гулять пошла. Оттуда с гулянья пришла, спать легла, а утром пошла на ферму доить коров, прихожу к замку, а и замок вытянут. У меня сердце упало, зашла, смотрю: нет ни ведра сметаны, ни масла. Всё хотели возложить на меня: я ответственная, чтобы я это всё оплатила. А мы только-только завели свою корову: моя родная тётя дала телочку. Мама плакала, конечно, с чего я буду

выплачивать... Хорошо, что собрали собрание, с Западной Двины приехало начальство, посмотрели, что я еще несовершеннолетняя, и постановили: оштрафовать не меня, а старшего, кто туда эту сметану ставил. Так эту кражу с меня списали.

Тогда еще зарплат не было, трудодни, а на трудодни давали когда соломы, когда сколько-нибудь зерна дадут. Два-три килограмма – сколько дадут... А пахали как – плугу тягали своими силами. Мама, бывало, соберет молока, масла собьет, но сами не ели, продавать носили. В ягоды летом ходили, носили к поезду продавать. А кто от войны не пострадавший, продает лепешки, вот такая маленькая лепешка стоила пять рублей. Мы ягодок продадим, этих лепешечек купим и бегом домой, чтобы маму захватить, мама на работу пойдет в поле. Так жили. Никому не дай Бог...

Мама покупала полотенца военные, требушастые, с этих полотенец она шила нам платья. Полотенца были белые, а красила она их таким растением, толокняник называется. Получался цвет как рябиновый. Мы с сестрой в этих платьях рябиновых ходили, а на ногах были клеенки из резины.

Замуж я пошла в 52-ом году, в Торопецкий район, деревня Плицыно. Ходили гулять по деревням, где какой праздник, туда и мы идем. Я пригляделась его родне, когда мой муж еще был в армии. Я хорошо пела, и выглядела хорошо, неплохая была. Я и сейчас помню мамины песни. Мама пела за самопрялкой, прядет лен, и поет песню эту сиротскую, и я с мамой.

Свадьба была хорошая. В Заовражье нам заложили жердину такую: дорогу закладывали. Хороший был муж, но ревнивый сильно. Ребенок у нас родился. Свекровь с ребенком сидела, я в колхоз пошла работать, а муж работал агентом госпоставок. У них в Плицыне такая земля каменистая, камень на камне,

плугу держишь, а она вот так скачет. Муж пожалел, что мне приходится так тяжело работать, думал уехать в Ленинград, а свекровь заплакала: «Коленька, ты уедешь, а как меня ты оставишь?» Так мы и не поехали. Жили со свекровью, пухом ей земелька. Настенькой ее звали, но я ее мамой звала, и она у меня была вторая мама.

Семнадцать лет я носила почту. Потом стали нас, почтальонов, притеснять, километраж увеличивать. 25 километров надо было обойти: с Плицына до Грядец, потом назад, деревни Палкино, Козлово, Маслово, да на кордоне жил лесник, до лесника идти тоже надо. Когда на попутке проедешь, а так все пешком...

Лесником два года отработала перед пенсией. В лес ходила так же, как и мужики, на посадку леса ходила. На пенсию когда пошла, мужу, он тоже был лесник, еще два года оставалось до пенсии. У него была казённая пила «Дружба», и вот мы с ним вдвоём ходили дрова готовили двухметровки, зимой хвою теребили, по несколько тонн, шишки собирали. Бывало, идёшь с лесу, и пальцы вот так согнувши, замерзали...

Муж умер. Из сестер в живых только я и сестра Валя, Валентина Ивановна. Она живёт в Западной Двине, я уже много лет в Торопце. Два сына у меня, внуки, правнуки.

Надежда Никифоровна Павлова

В середине 20-х годов родители мои Никифор Иванович и Евдокия Семёновна Ивановы получили земельный надел на хуторе Харламово. Отец срубил лес для дома и поставил избу. На этом хуторе родилась я 25 августа 1928 года, и мои младшие братья Саша и Гена. В школу я начала ходить в

деревню Колюхово. Помню свою учительницу Лутцо Веру Петровну.

Позже, когда из хторов сгоняли в колхоз, мы перебрались в деревню Карпасы. Отец мой был человеком грамотным, был бригадиром в колхозе им. Ворошилова, а ещё председателем ревизионной комиссии. Во время отсутствия председателя колхоза ему приходилось его замещать. Мать работала дояркой на ферме.

Учились мы с братьями в это время уже в Поженской школе. Ходили пешком в любую погоду около 5 километров. Классной руководительницей у меня была Евдокия Николаевна Барашнева. Она же была и директором школы. Там я закончила 7 классов.

В 1939 году отца забрали на финскую войну, через год вернулся домой, а в 1941 началась Великая Отечественная война.

Хорошо помню, как объявили о войне. Отец в тот день крыл крышу, я помогала ему – подавала дранки. В небе появилось несколько самолетов, и отец сказал матери: «Семёновна, пташки железные полетели, это не к добру, что-то, наверное, будет». И в это время по радио на всю деревню объявили о начале войны. Отца сразу забрали на фронт,

Перед тем как уйти на войну отец привёз к нам жить свою мать, нашу бабушку Евдокию Дементьевну.

А меня мобилизовали рыть окопы. Ох и много этих окопов было вырыто.

Начались бомбёжки. А скоро в деревню нагрянули на мотоциклах немцы. Забормотали на своём языке, требовали молоко, яйца переловили и зарезали всех кур, только перья по двору летали. В нашей деревне они жили около двух недель. Днём куда-то уезжали, а к вечеру возвращались. Вскоре они из деревни уехали. А в лесу появились окруженцы и партизаны. Наш дом

стоял на горе, а вниз к речке спускался огород. Иной раз мама давала нам испечённые лепёшки, и мы пробираясь огородом потихоньку спускались к Оке, перебирались через речку в лес и оставляли их для партизан в заранее условленном месте.

Однажды зимой немцы нагрянули в Карпасы и пытались забрать у нас корову. Взяли веревку, зашли в хлев, но корова взбрыкнула и им не далась. Тогда они заставили маму набросить на ей рога верёвку. Мама бросилась к ним с плачем и криками, ведь это была наша кормилица. Неизвестно, чем бы всё это закончилось, (немец уже наставил на маму автомат) но из леса напротив нашего дома с криками «Ура», показались партизаны. Это партизаны уже окружили деревню, напали на фашистов и всех перебили.

Страху мы, конечно, натерпелись. В Пожне каратели расстреляли женщин, которые узнав, что в город привезли пленных, отправились туда, чтобы узнать что-нибудь про своих мужей и сыновей. Много было убито мирных жителей под Якшинской горой.

На дороге с Митрохина на Задний Брод партизаны подбили немецкую легковую машину. Мы содрали с неё жёлтый материал, которым она была обита внутри, и сшили себе кофты.

Так мы и жили во время оккупации.

После освобождения города, в деревню пришли наши красноармейцы. В нашем доме сначала стояли 20 человек музыкантов, они куда-то постоянно уезжали с концертами. Хорошо помню, как моя бабушка однажды у них спросила: «Детки мои, кто ж из вас женатый, а кто холостой»? А один ответил: «А вот, бабуля, у кого шинель обрублена, тот и женатый»

Потом в деревне стояли кавалеристы. Лошади у них были добрые, красивые, а всадники со шпорами, с саблями. Один из них, которого звали Канашка, был

одноглазый. Помню, что когда он вскакивал на своего коня, всегда приговаривал:

Один глаз хоть косою,
Но глядит Канашка,
А другой точь как живой,
Но вставлена стекляшка.

Недалеко от Карпасов был военный аэродром. В это время шли тяжёлые бои под Холмом. Некоторое время в нашем доме, жил какой-то важный военный по фамилии Жуков. Фамилию его помню точно, а уж какой Жуков не знаю. Почему важный? Потому что все уж очень старались ему угодить. Наш дом он выбрал не случайно, в его второй половине был большой зал, в котором он и поселился. Дом охраняли солдаты, постоянно приезжали какие-то военные, суетились адъютанты. Помню фамилию одного из них – Удалов, а вот как его звали, уже помню. А вот имя, отчество военного врача, который жил от нашего дома через дорогу запомнила хорошо – Анатолий Иванович.

Иногда Жуков посылал меня за этим доктором. А меня он почему-то звал Ниной и постоянно просил мыть пол в его комнате. Мыла я полы каждый день. Один раз не удержалась и откусила кусочек колбасы, которая такая уж была ароматная, что я не удержалась и попробовала. А на следующий день, когда я мыла полы, я нашла этот кусок под кроватью. Может он подумал, что мыши погрызли, может просто побрезговал, но колбасу я забрала. Однажды ему привезли посылку, и мы тогда впервые в жизни увидели помидоры, до этого в нашей деревне и слыхом не слыхивали о таком овоще.

А ещё раз он дал мне банку чёрной икры. Когда её открыли, я сразу сказала, что это дёготь какой. Мы, ребяташки, попробовали эту икру и она нам совсем не понравилась, ведь ели мы её без хлеба, его просто не

было. Мы разбежались по своим делам. А когда мы вернулись, мама нам сказала, что раскушала эту икру и уж такая она вкусная, ешьте, детки. Вот так мы её и съели, и правда, вкусно было.

После освобождения от немцев я работала в колхозе. Бригадир дал лопаты и велел чистить снег, много другой работы приходилось делать. Помню, носили на коромыслах молоко с фермы на сырзавод в Пожню. До обеда два ведра и после обеда – два. Однажды когда я несла молоко сзади подскочила собака и я сильно меня покусала, прям кусок мяса вырвала из ноги. Нога долго не заживала, чем мы её только не лечили. А потом Жуков велел своему адъютанту отвезти меня к врачу в деревню Лобаново. Врач осмотрел мою ногу дал, какую-то мазь и скоро нога зажила.

Пасли жеребят в ночном. Лошадей-то всех забрали на нужды фронта, а отбракованных и молодняк мы по очереди и пасли. Однажды из леса выскочили два волка и прямо на наших глазах напали на одну из таких лошадей. Один всё норовил заскочить сзади, а другой бросился к горлу. Стреноженная лошадь ничего не смогла сделать и волки её завалили. А то, что осталось после них, съели жители деревни, кто не побрезговал, конечно.

Когда мы пасли скот в лесу, прилетали немецкие самолёты и стреляли по нам. Коровы и овцы разбегались, мы тоже бежали в лес, чтобы спрятаться.

Жили мы в то время плохо, время было голодное ели траву всякую - крапиву, лебеду. Помню когда шли в школу, возле кордона выкапывали палочкой из замерзшей земли прошлогоднюю морковку. Грызли её пока шли до школы и немного утоляли голод

Какое-то время в нашем доме жили эвакуированные в доме было тесно, спали все на полу.

В 42 году мы получили сообщение, что наш отец Иванов Никифор Иванович, пропал без вести. Очень тяжело это известие перенесла его мать, наша бабушка. Она часто уходила в поле, подальше от дома и там плакала в голос, разрывая нам сердце. Однажды мы долго слышали её плач, а потом всё стихло, но бабушка домой не пришла. Мы пошли её искать, и нашли её уже мёртвую – материнское сердце не вынесло такого горя.

После войны я хотела в Торопце учиться на счетовода, да мама не разрешила. Устроилась я тогда нянечкой в детский сад № 1. На работу из Карпасов добиралась когда как: то на попутках, а то и пешком. А расстояние до дома было не маленькое.

А в 1946 году меня мобилизовали на торфяные работы. Добывали торф возле деревни Подгороднее. Там же в общежитии и жили, а контора торфозаготовок была на улице Гоголя, 9. Там мы получали свои карточки на хлеб. Работа у нас была тяжёлая, торф резали специальными резаками, стараясь достать как можно глубже. Нам выдали брезентовую обувь, воду она, конечно, не пропускала, а вот ноги постоянно мёрзли, ведь работать приходилось в болоте, вырезая куски замерзшего торфа. Именно с того времени у меня стали болеть ноги. Врачи признали полиартрит. На торфоразработках я была до 1948 года. Тяжелое было время.

Но молодость брала своё и, несмотря на трудности, жили мы весело. Ходили на праздники в соседние деревни, да и в своей часто собирались вечерами. Под гармошку пели песни, частушки. Я была певуньей, да и плясать любила, ноги сами пускались в пляс. Весёлая была, никогда не унывала. Принимала участие в художественной самодеятельности. Выступали и

Поженском клубе, и на сцене торопецкого Дома культуры и даже на смотры в Калинин ездили.

А вскоре в соседней деревне Митрохино появился молодой парень, бывший моряк Тихоокеанского флота Василий Павлов. Был он на службе с 1942 по 1949 год. Воевал, какое-то время служил на острове Русский. Уже позже, в 90-е годы, когда по телевизору показывали голодных матросов и рассказывали о тех безобразиях, которые творились на острове, Василий не мог этого слышать, закрывал уши руками и говорил, что во время войны на острове Русском было лучше. Он был инвалидом 1-й группы, у него было какое-то заболевание лёгких. Мы начали с ним встречаться, в 1950 году поженились, и я переехала к мужу в Митрохино. Через год у нас родился сын Иван.

Муж работал кочегаром на паровых котлах, потом пожарным. Я 13 лет я проработала на Поженском льнозаводе, была на хорошем счёту, награждалась грамотами, и фотография моя висела на доске Почёта. Более 20 лет я была завхозом в Поженской больнице.

Братья мои тоже работали в колхозе. Саша сначала учился на сапожника в Торопце. Сапожная мастерская, где он обучался, была возле Никольской церкви, в которой тогда была пекарня. Но сапожником он не стал. Шил обувь только для себя и своих родных. Забрали его в армию, был писарем в штабе. Вернулся домой в звании сержанта. Работал в Пожне экспедитором в сельпо.

Самый младший Гена в армии был танкистом, поэтому после армии устроился работать трактористом

В 1986 году мы переехали в Торопец, муж устроился на работу в межколхозлесхоз, а я работала санитаркой в ветлечебнице, в столовой восьмилетней школы. К старости стала плохо видеть, у меня 1-я группа

инвалидности по зрению. В 2002 году муж умер и теперь я живу одна.

Антонина Федоровна Олехнович

Я родилась в 1925 году в деревне Пунище, два километра от Овсища. Детей в семье было пятеро: три брата и две сестры, я старшая. А я считай неграмотная. Класса три у меня было кончено, когда заснула летаргическим сном. Как там было, не помню, помню только, как поп надо мной кадилкой махал. Только через пять лет мне разрешили в школу ходить. Мамка меня отдавала, а я не пошла: большая стала, стыдно мне было не с ровесниками сидеть.

Наш колхоз «Верный путь». Очень богатый был колхоз, две машины только грузовых было! Нас, подростков, на этих машинах везли в Речане, месяца полтора или два мы там жили, дорогу строили, заливали туда раствор.

Когда объявили войну, везли войско – тёмной-тёмной тучей! Немец это войско не тронул, а как он по нам строчил! Как с Речан мы вернулись, дояркам дали приказ, чтоб угонять скот, а мама моя дояркой была. Вот я вместо нее скот погнала, в Красный Холм. Нас с колхоза было тринадцать человек, четыре доярки, на каждую по двадцать пять коров, а нетелей сколько было! Еще две лошади. Был с нами человек с райисполкома. Сталин дал приказ, чтоб мы на каждый день проходили 50 километров. Спали в лесу, кто на телегах, кто на земле. Долго ли шли? Ой, как долго! Мы вернулись домой только когда освобождали Торопец, в январе 42-го года.

Потом Сталин дал приказ, чтоб нас – 25-28 год рождения – послать в ФЗО. Нас повезли с Торопца, две недели везли: город Кунгур, это за Молотовым, там я

была. Восемь месяцев мы на лесозаготовках работали, из воды метровку тягали. Мы там и не нужны были, колхоз выходил меня, мать у нас болела, я и поехала назад. Пропуска-то не было, прицепимся на подножки, проедем, а милиция нас снимала.

Приехала домой, потом послали меня на Гальский мох, это в Великополье, под Луками. Там я три сезона была, торф копали. Рядом с фронтом была, идем с котелком за едой, а тут обстрел, и мы все на земле. Немец там стоял долго, земля и вода там смешана была.

С Гальского мха нас послали в Западную Двину в какой-то колхоз. Тут мы узнали, что война кончилась. Снова поехали, но не домой, а в Великополье. Митинг был, люди кричали, плакали...

В колхозе уже я не числилась. У меня была такая бумажка, и я поступила в Заготзерно, грузчицей. Замуж вышла в Торопце в 1946 году. Мамка осталась в деревне. А голод какой был! Мне платили рублей пятнадцать-двадцать. Бывало, в карман насыпем зерёнки и насобираем, маме свезу, помогу.

Дети у меня рождались и умирали, мальцы все, я с роддома их не выносила. Пятёрка у меня захоронено. А потом меня на карандаш взяли, раньше было очень строго. Поставили меня на легкую работу, я мешки чинила, сортировала, и в 1953 году родила первого, который выжил. Потом и младший родился, всего их у меня два сына.

Потом меня перевели на хлебозавод, оттуда на пенсию пошла. Почетные грамоты у меня, все есть. 52 года и 8 месяцев на хлебозаводе отработала. Сначала он был в Спасском переулке, в церкви, такая теснота там была. Я туда с ребятами ходила: муж идет в смену на электростанцию, а я на работу, и их беру. А когда новый завод строили, бывало, пять машин тюремников

привезут, они такие бледные идут... Потом церкву эту закрыли, а нас перевели. Пекарем была 34 года, работали в три смены. Работала и после пенсии, вот четырнадцатый год как не работаю. Одна статья у меня «труженица тыла», другая – «ветеран Отечественной войны». Четверо внушек есть, одна правнучка. 26 октября, если доживу, мне будет девяносто...

Мария Васильевна Орлова

Родилась в 1924 году, на хуторе Староселье, он еще назывался БахвалОв хутор. Папаша у меня был очень умный, хороший, вся семья у нас хорошая была. У нас были две фамилии: Бахваловы и Орловы – раньше это часто в деревнях было. Папаше не нравилось быть Бахваловым, он записал себя Орлов Василий Васильевич, мачеха – Орлова Анна Васильевна, мама – Петрова Евдокия, а вот как по отчеству – уже забыла. Я тоже записана – Орлова, а в деревне меня и сейчас иногда Бахвалихой кличут.

В колхоз мы сразу пошли. Наш колхоз «Клич политотдел» был на хорошем счету. Папаша работал в кузнице. Я в школу ходила в Дубовую гору, это в Гольянове. Учителя у нас хорошие были, но учёба мне не давалась, я часто болела, поэтому закончила только 4 класса и пошла работать. Сначала нас, подростков, посылали бороновать на лошади, потом поставили на ферму. Работали, не ленились. Ухаживали за свиньями, а когда шел опорос, даже ночевали там, чтобы караулить.

Два брата у меня: старший Алексей и меньший Михаил. Лёня Орлов, а Миша Бахвалов. Лёня на войну пошел первый, потом Мишу взяли, а последнего папашу взяли – всех, тройку. А мы остались с мамашей, мачехой, родная мама у меня еще до войны

умерла. И тогда уже за нас стали браться: мобилизация, лесозаготовки, материал заготовливали дороги править, мосты делать. Тогда мы жили в Палкино. Там у нас был очень хороший народ, не ругалась ни с кем никогда.

Немцы у нас были, но вели себя спокойно, никого не трогали, не грабили, не убивали. У нас в доме – мы жили на краю – стоял ихний большущий начальник. А вот Сувидово рядом с нами, там согнали людей в сарай и подожгли, даже уголья и палки летели до нас. Там был карательный отряд.

Всю войну я проработала в колхозе. Бывало, на лесозаготовки уедешь на месяц, посылали в Лысачи, в Речане, а потом за Андреаполь – в такую глушь, кругом одни только горы, сосны, людей там в деревнях совсем было мало. Куда требовался народ, туда и посылали.

Братик мой, Лёничка, старший, с войны не пришел, погиб вместе с кораблем на Черном море. Они плыли, три корабля и три лодки, все хорошо было, солнце уже начало чуть-чуть всходить... и откуда, паразит, взялся: самолеты немецкие напали и ну бомбить, погромили все. В 43-ем году он погиб. Крым, там это было...

А Миша в Прибалтике служил, в Кронштадте. Его после войны поставили председателем колхоза. Сейчас он умерши, а жизнь прожил в Латвии.

Отец в 45-ом с Германии вернулся, всю войну прошел до Победы, с самого начала до конца.

После войны всякого было... Ходили «трофеи» собирали картофельные. Насобираем, мамаша вымоет, почистит: мороженая картошка хорошо чистится. Там она какой-то мучинки прибавит, а потом не только что мучинки, а и дровяные опилки добавляли... Так мы и жили с этим блинам, да как хорошо ели, только держись!

Здесь, в Шейкино, я лет тридцать как живу. Замуж два раза выходила, ничего с этого не вышло. Мальчик у меня родился, но роды были тяжелые, умер он, как и сама жива осталась... Дом этот купила, только коридор сама ставила. На мне все было, и дрова сама готовила, лошадь, бывало, запрягу, топор за пояс, везу, только снег поскрипывает.

Раньше тут сырзавод был, я туда на лошади молоко возила с фермы. На пенсию уходила с работы уборщицей в конторе. Мы с мамашей вдвоём жили, корова у нас была, пчелы. Сейчас никого не держу, только курочек.

Рушник на стене вышивала моя мамаша – мачеха. Есть полотенце, что вышивала родная мама. А скатерть, вот что на столе, я вышивала сама. Ой, у меня вышито много! Бывало, в поле погонюсь, и с овцами, и с коровами, сажу на камушке и вышиваю, а они вокруг меня. Идут наши на работу сено косить, проходят мимо: «Во, посмотрите, Манька Бахвалова как: сидит вышивает, а овцы ейные как дети! Вот это да, вот это пастушка!»

Цветы я любила всегда, не могу без них жить. Там у меня флоксы, золотые шары, георгины, бархатцы, а вот Ванька мокрый, так он фулюган какой! Вот все приберу, говорю: «Ну, если мне намусоришь...». А он все равно свое сделает: возьмет да и намусорит! А на том окне розочка...

Уважаю очень боженьку. Иконы у нас в доме всегда, еще как моя родная мамаша жива была. Вот эта большая икона у меня от родителей. Мне Господь и помог, что накануне смерти была, да жива осталась. Когда заболею, молюсь... Руку сломала зимой на дороге, а недавно с печки свалилась, вся синяя была, думала не выживу. Ничего, поправилась. Тут самое главное, понимать, что он у нас один, боженька. Его

надо держаться, он с нами рядом, видит все наши права, где правда, где неправда... Я хочу, чтобы всем было хорошо, как и мне хорошо. Как говорится, есть кусочек, разделить надо, а не жадничать. Вот, отхватила себе, а вы как хотите – так у меня не выходит...

Иванова Татьяна Дмитриевна (Васильева от рождения)

Родилась я 8 января 1932 года в деревне Белянское Плесошского района (сейчас Торопецкого), Конищевского сельсовета в крестьянской семье. У дедушки Василия Самсоновича и бабушки Меланьи Исаевны было 4 сына и 2 дочки. Два младших сына Семен и мой папа Дмитрий были женаты и имели по ребенку. Семья была большая – 12 человек. Все жили в одной избе. До моего рождения умерла старшая моя сестричка. К этому времени дядя построил себе избу и они (трое) переехали жить самостоятельно рядом с родителями.

Когда мне было года 4, папа купил старенькую избу в деревне Гретьково где было всего 6 жилых домов. В каждой семье были дети. Играть было с кем, было весело. Но в 1936 году родился братик и я стала для него нянькой, т.к. у мамы было много работы по хозяйству. В 1939 году он умер весной, а осенью того же года родился еще мальчик Гена – опять я нянька. Папа где-то работал, а мама была домохозяйка. Занималась хозяйством, огородом, детьми, заготовкой сена для скота, а за пользование пастбищем работала в колхозе. Она была неграмотная. В семье, где прошло её детство девочек в школу не отдавали, т.к. надо было прясть, ткать, вязать.

В 1939 году я пошла в 1 класс Конищевской семилетней школы. Школа располагалась в красивом кирпичном 2-х этажном барском доме. Класс был на 2 этаже, окнами в парк. Место очень красивое. В большом парке было два больших пруда, где было много карасей.

Первая моя учительница - Лютица Татьяна Матвеевна, но с началом финской компании, она была назначена директором школы, заменив ушедшего на фронт мужа Виноградова Захара Васильевича, который погиб на фронте. Так она и осталась в должности директора до окончания войны и преподавала в 5-7 классах русский язык и литературу.

Моей учительницей в начальных классах стала Почеренкина Зинаида Степановна – это было начало ее педагогической работы, после окончания семилетки.

В 1939 - 40 годах было массовое переселение из мелких деревень на центральные усадьбы хозяев. В 1940 году сняли крышу с дома наших родственников и они переехали жить к нам. Нас было 4 человека и их четверо. Все разместились в избе, где $\frac{1}{4}$ пространства занимала русская печка. Жили в тесноте, но не в обиде. Дружно.

В 1941 году я закончила второй класс, начались летние каникулы.

В это время в деревнях радио не было, но в воскресенье 22 июня утром уже знали, что началась война. Кругом плач, хлопоты, сборы, проводы, мобилизация. Через несколько дней папа отправился на фронт.

Немцы появились у нас в конце августа, наверное, в субботу, т.к. мама топила баню. Немцы ехали на машинах, мотоциклах, велосипедах, пешком никто не шел.

Движение их было приостановлено, потому что партизаны взорвали мост через реку около села Конищево. (Конищево называлось селом, потому что там была построена церковь). А дорога (называли ее большак) связывала Великие Луки и Холм самая короткая. Дня три простояла эта колонна, потом сменилась другой, и такая замена продолжалась больше месяца. Потом массовое движение немцев прекратилось.

Первые колонны немцев появились после обеда. Частный скот был в поле. Так пастухи его вечером погнали не домой, а в лес. Колхозное стадо было уже куда-то отправлено заранее. Немцы охотились за курами, гусями, утками и поросятами. Не брезговали овощами с огорода. Что имело какую-то ценность в хозяйстве в том числе зерно, были закопаны в ямы до лучшего времени.

На начало войны нас в деревне осталось две семьи – наша двойная семья и одинокая старушка баба Груша, с которой я очень дружила, часто ходила к ней ночевать. После того, как колонны немцев проехали – скот из леса пригнали. Коров там доили молодые парни и девушки. Как они там жили, в каких условиях – знали только они. В деревне оставались только старики, женщины и малые дети.

В нашем колхозе, т.е. в деревнях колхоза немцы постоянно не жили. Только через деревню 2-3 подводы 3-4 раза в неделю возили сено, наверное с заготовительного пункта. Полицаев тоже я не видела. Карательный отряд появлялся в деревне Клыпино и других деревнях на Пестряково. Там погиб партизан Сергеев (имя не помню). Его родители жили в местечке Большое Толкачево – это глухой лес и бездорожье. Наверное, там и базировался партизанский отряд.

После войны родители этого партизана переехали жить в деревню Мокшино (в дом моего дедушки).

Хоть боев (слава Богу) у нас не было, но грохот канонады был слышен со стороны Великих Лук и Холма. Ночью было видно зарево пожаров из Торопца. Очень страшно было.

Оккупация закончилась в январе месяце. А с 1 февраля мы пошли в школу. Кирпичная школа была разрушена. Учились в приспособленных помещениях. Первую неделю учились мы в законченных весной классах 1- в 1-ом, 2- во 2-ом и т.д.

Проверяли знания оставшиеся после пережитого. Так в 3-й класс перевели только 18 человек из 32 весеннего выпуска, остальные остались во 2-ом классе на второй год.

Во время войны все дети были «взрослыми» так как трудились вместе с родителями и соседями. Пасли скот, заготавливали сено, управляли быками на вспашке. А бык и есть бык. Если решил, что ему нужен отдых – он его сделает. Затянет в кусты плуг вместе с пахарем и погонщиком. И пока не отдохнет – не поднимется. Во время войны в колхозе было три лошади (клячи). На них в основном бороновали и обвозили копны сена, возили снопы сена в заготпункт за 12-15 километров, часто с ночевкой, так как заготовители не успевали принять сено при дневном свете, а электричества не было.

В 1942 году папа из-за болезни вернулся домой (резекция $\frac{1}{2}$ желудка). Работал в Плоскошском райфо. Года 3 работал председателем колхоза. В 1953 году переехал в деревню Жуково Пожинского с/с, где работал дорожным мастером. Мама несколько лет работала на льнозаводе.

В 1943 и 1946 годах у меня родились две сестрички Лида и Катя. Все мы четверо пока живы, но нельзя сказать, что здоровы – возраст дает о себе знать.

Папа умер в 1968 году, а мама в 2002, на 97 году от рождения.

После окончания 7-го класса год я работала в колхозе. 8-ой и начало 9-ого класса училась в Плоскошской средней школе. В то время за учебу в 8-10 классах надо было платить в год 150 рублей. В октябре месяце пришел срок уплаты, но денег в доме не оказалось.

Так я пошла в школу без них, но классный руководитель мне сказала принесешь плату и учись – отправила домой (наверное такой ей был дан приказ – срочно деньги).

Так я и вернулась домой. Утром мама дала мне 10 рублей, и я пошла в г. Торопец пешком за 35 км. Устроилась работать на ликеро-водочный завод (по знакомству). Работа была не по моему «вкусу». Так я 7 марта 1950 года поступила на швейную фабрику. Работала мотористкой, браковщицей, мастером, технологом, начальником цеха, председателем фабричного комитета.

В 1953 году вышла замуж. Муж переехал в Торопец. Поступил работать тоже на швейную фабрику. Освоил профессию механика швейных машин, потом спецмеханика. Работал добросовестно.

В 1954 году у нас родилась дочка Надежда, а в 1957 году Вера. Старшая окончила Великолукский лесотехнический техникум – работала на Торопецком ДОЗе, в лесхозе, хлебозаводе. Сейчас работает на «Гексе» - инженером по технике безопасности.

Младшая закончила Московский институт нефтяной и газовой промышленности им. Губкина. Работала до

апреля 2015 года на Киришском нефтеперерабатывающем заводе.

В 1987 году я вышла на заслуженный отдых. Но долго без работы не могла. Опять поступила на швейную фабрику на склад готовой продукции приемщицей. Потом работала надомницей.

Швейная фабрика – это был мой второй родной дом. Люди были добрые, отзывчивые, благородные, всегда готовые помочь делом и добрым советом. Спасибо вам, дорогие мои швейники, что вы встретились на моем жизненном пути, а путь этот не всегда был гладким, но и тернистым, но я всегда находила поддержку коллектива – своей огромной семьи.

В 1993 году умер муж. Сейчас живу одна. Часто навещают дети и внуки. Самый частый гость и мой помощник во всем правнук Павлуша, десятиклассник первой школы.

Сырицына (Васильева) Анастасия Ивановна

Я родилась 10 ноября 1933 года в Новгородской области в деревне Лучки на реке Ловать. До войны жили бедно. Мама Васильева Вера Васильевна была сторожем магазина, а отец Алексеев Иван Алексеевич был сплавщиком леса на реке Ловать. Война началась и проходила через нашу деревню. Все жители, в основном, женщины, дети и старики прятались в лесу. Деревню нашу сожгли немцы, они же взорвали мост через Ловать. А потом немцы нас из леса выгнали. Я мало что помню. Шли много, было много беженцев, если отстанешь от матери не найдут. Только помню, остановились в посёлке Парфино Новгородской области в холодной школе, а уже наступила зима. Есть было нечего. Помню мама ходила в поле, из под снега копала сахарную свёклу. Чуть подогревали её и ели.

Нас у мамы было трое детей: брат Федя (1924 года рождения), сестра Лида (родилась в 1928 году), и я. Брата Фёдора взяли в ФЗО, а мы кочевали втроём. Помню, были где-то тесно набившись в баньке, а немец пришёл и всех выгнал на улицу, на мороз. Ему надо было стрелять из пулемёта по нашим. Шёл бой, на той стороне были наши, а на этой немцы. Мы лежали в снегу в замерзлой реке. Видели как он многих убивал. На наших глазах одной женщине оторвало ноги, у неё осталось 2 дочки. Мы были на занятой немцами территории 6 месяцев

Потом помню, как наши разведчики в белых комбинезонах пришли на лыжах. И сказали: «Вы освобождены, немцев прогнали». Это всё происходило в районе Старой Руссы. Потом мы возвращались домой, ехали железной дорогой, на платформах, кругом голое поле, по сторонам лежат всякие железки горелые. Всё пострадало от проклятой войны.

Приехали домой, пришли на родную землю - нет ничего. Голодные, холодные, как мы выжили, понятия не имею. Выкопали окоп и в нем жили. Была уже весна. Мамин брат работал секретарём райкома партии. Мама болела. Сестре было 13 лет. Меня определили в детдом и увезли на Урал, детей было много, везли на поезде очень долго. Немцы бомбили эшелоны с детьми. Привезли нас в Молотовскую (Пермскую) область, город Чердынь.

Детдом двухэтажный, грязный. И вот мы, ребятишки разных возрастов убирали, мыли, приводили всё в порядок. И хоть войны там не было, но кормили нас плохо, что было, то было и избоину ели. Перенесли всякие болезни: чесотку, вши, экзему, свинку, корь. Бывало, лежим в чесоточной палате и поём песни. Мы ведь все песни Клавдии Шульженко знали. Как приехали в детдом, кто умел писать, написали родным

о том, где мы находимся. Велась переписка с родными. В детском доме я закончила 3 класса. Первая учительница была Глафира Степановна, уже пожилая женщина.

В 1945 году объявили День Победы. Мы от радости прыгали на своих кроватях до потолка.

А потом стали присылать вызовы тем детям, у кого были родственники. Мне тоже прислали вызов в августе 1946 года. Я поехала домой. До Москвы довезли нас воспитательницы, а с Москвы - как хотите. Тогда же не было автобусов, только грузовые машины. Ну, кое-как доехали, и пешком дошли до своих.

Когда я приехала, постучалась в дверь, вышла мама, она меня не узнала и говорит: «Девочка, что тебе надо?». Я говорю: «Мама, это я, Настя». Она сразу заплакала, закричала. А они в это время ужинали, ели малину с молоком. Ведь и после войны жизнь была плохая. Голодовали, хлеб по карточкам, собирали колоски, мороженую картошку и пекли блины-тошнотики. Вместо чая и сахара заваривали свёклу, морковь и всякие травы.

Отец пропал без вести. А брат всю войну провоевал, воевал даже с японцами. Вернулся в 1948 году. У него много медалей и орден. Скоро он уехал в Горький, там женился, заочно выучился и работал на автозаводе мастером. Сестре уже было 18 лет, она устроилась на работу на сырзавод, на котором и проработала всю свою жизнь, варила сыр.

Я в 1950 году, закончив семь классов, поступила в сельскохозяйственный техникум в городе Мышкине Ярославской области, который закончила в 1954 году. Отправили по направлению колхоз «Стрежено» в Торопецкий район Великолукской области. В том же

году я вышла замуж. Через год родилась дочь Надя, а в 1961 – Вера.

В Стрежено мы прожили 30 лет. А в 1984 году переехали в Пожню. Муж 30 лет работал лесником, и я потом около него, сажали лес, ухаживали за ним. 4 года работала лесником. В 1988 году я ушла на пенсию. Я инвалид 2 группы по сердцу. Мой муж Сырицын Иван Александрович после тяжелой болезни умер в 2002 году, в возрасте 70 лет. Ему не довелось увидеть правнуков, не дожил. После смерти мужа мне купили квартиру в Торопце, где я теперь и живу. Так вся моя жизнь с 1954 года связана с Торопецким районом. Вот такие мы дети войны. А государство о нас не позаботилось, а мы ещё живы. Вот мне 10 ноября 2013 года исполнилось 80 лет. Я счастлива, что у меня выросли хорошие дочери, они вышли замуж и сейчас у меня трое внуков и 8 правнуков. Вот и всё.

Евгений Андреевич Логунов

Родился я в 1938 году в деревне Синичино Торопецкого района Калининской области. Деревня располагалась в очень живописном месте. Холмы, овраги, поля, луга, опушки лесов. В трех километрах на восток протекает река Западная Двина. Неслучайно там осенью 1941 года остановился фронт. Синичино находилось на возвышенном месте, рядом была самая высокая гора в округе с названием Вышка. Когда пришла война, немцы использовали эти места для установки дальнобойной артиллерии.

В Синичино перед войной был один колхоз совместно с деревней Заовражье, председателем его был мой отец, Андрей Егорович Логунов. Когда началась война, ему шел 30-й год, а моей маме, Елизавете Ивановне, только исполнилось 22 года.

О начале войны мы узнали лишь к вечеру 22 июня 1941 года. В деревнях тогда не было радио, не говоря уже о телевидении. Отец в тот день был по делам в Западной Двине. Там он услышал по радио речь товарища Молотова о начале войны и привез печальное известие в родную деревню, в родную семью.

Отец понимал, что его заберут на фронт, и стал сдавать свои дела юноше, который по возрасту, как казалось отцу, на эту войну не попадет. Управлять колхозом отец оставил 15-летнего Володю Васильева, только что окончившего школу-семилетку. Но отец ошибся, в 1944 году Володю взяли на войну, и он дошел до Берлина, где был тяжело ранен.

Нашего отца забрали на войну почти на другой день, как она началась. Смутно помню его печальное лицо, когда он прощался с нами, своими детьми. Мне было 3 года, сестре один год. Мама его провожала до Торопца. Тогда она еще не знала, что расстанется с ним навсегда. Отец погиб осенью 41-го года, защищая Ленинград. Он успел прислать нам с фронта лишь одно письмо и фотографию. Мама их берегла, пока жива была, и я теперь берегу как драгоценную весточку.

Немцы пришли в Синичино в самом конце августа 1941 года. Шли нескончаемой колонной через деревню к берегу Западной Двины, где тогда остановился фронт. Часть немцев разместилась вокруг Синичино, где они стали рыть для себя окопы на сухих местах. Наши войска расположились на другом берегу реки.

Между противниками постоянно шла артиллерийская перестрелка, были бомбежки с самолетов. Наши летчики бомбили немцев, но была опасность и для жителей деревни. Однажды, когда я с бабушкой Альвиной Андреевной был на картофельной полоске, над нами вдруг загудел наш самолет. Она

бросила меня в картофельную борозду и прикрыла собою сверху. Жизнь внука ей была дороже своей.

Немцы передовых частей вермахта в отличие от пришедших потом карателей не казнили мирных жителей, а лишь требовали мяса, молока, яиц себе на питание. Были случаи доброго отношения оккупантов к мирным жителям. Однажды немец устался на 3-летнего Женю и что-то настойчиво говорил по-своему. Не понимая, родные мальчика перепугались. Немец повернулся и ушел, но скоро вернулся с книжечкой и прочел по-русски: «Красивые глаза!» И всем стало весело. Мама не раз пересказывала мне этот случай, и всегда приятно было ее слушать. Еще случай: когда у годовалой сестры Зины от пребывания в окопе заболели уши, немецкий военный фельдшер стал ее лечить и вылечил.

Когда на фронте обстановка обострилась, немцы эвакуировали нас в деревню Палкино, которая находилась в 10 километрах от Синичино. Уезжала наша семья из родной деревни на одной телеге, где были и дети, и вещи. Телега была перегружена. Вдруг у нее ломается колесо! Вся деревня поехала вперед, а мы остались... Рвались снаряды, падали бомбы, односельчане уезжали все дальше и дальше, а мы стояли на месте. Подъехали немцы. Узнали в чем дело и на мотоциклах погнались за теми, кто уехал вперед... Догнали, скинули все с одной телеги и пригнали лошадь с пустой телегой к нам. Мы перегрузились и поехали в Палкино.

Вернулись мы в свою деревню в конце октября 1941 года, когда немцы прорвали фронт и пошли на Москву. А на смену им в наши места пришли каратели.

Однажды в сумерках мы ужинали в своей избе, не зажигая керосиновую лампу. Вдруг в комнате стало светло. Вышли на крыльцо и увидели, что в стороне

соседней деревни Прошково полыхает зарево! На другой день узнали, что каратели в деревне этой расстреляли всех взрослых мужчин, а все дома и надворные постройки сожгли. Чудом уцелел один подросток, упавший на землю раньше оружейного залпа. Женщины с детьми оказались под открытым небом, а был конец октября. Начались морозы...

После Прошкова такая же участь постигла деревню Суидово: ее сожгли и расстреляли всех мужчин. В страхе были жители деревень, где еще не побывали каратели, и родное Синичино жило тоже в страхе... Особенно после того как каратели побывали в деревне Заовражье, которая находилась в 3 километрах от Синичино. Там тоже расстреляли всех мужчин, а оставшихся жителей согнали в самую большую избу и собирались сжечь заживо. Среди них была прекрасная девушка Валя Никитина, хорошо знавшая немецкий язык. Она сумела уговорить немецкого командира не поджигать избу.

На другой день каратели явились в Синичино. Собрали местных жителей в одном месте. Прошлись, посмотрели... И вынесли неожиданное решение: «С каждого двора принести по 3 литра молока!» Потом в просторной избе старой женщины по-прозвищу Матюшиха каратели пили деревенское молоко и ели хлеб, что был у них с собой. Один из них взял хлеб хозяйки, что лежал в тарелке на столе. Она заругалась: «У меня два сына на фронте, а вы мой хлеб едите!» Каратели тоже возмутились: «Да твои же сыновья с нами воюют!» Потом эту историю долго в деревне пересказывали и мы, дети, слышали ее не раз и всегда поражались смелости нашей русской женщины!

Долгое время было загадкой, почему каратели пощадили жителей Синичино. Лишь спустя много лет мы узнали, что среди карателей был отец «волчат».

Так мы звали своих сверстников Маню, Васю и Колю Волковых, отец которых считался пропавшим без вести. Позже стало известно, что он попал в плен и стал служить в карательном отряде. Похоже, отец «волчат», предав Советскую Родину, пожалел свою малую родину, Синичино.

Всякий сброд был в карательных отрядах, кроме самих немцев. И сильно отличались эти люди своим поведением от тех немцев, кто был на фронте, на передовой, – в худшую сторону.

Наша земля была освобождена от оккупации в январе 1942 года. Немцы, шедшие на Москву колоннами, назад бежали разрозненными группами, ежась от мороза в шинелях, зато красноармейцы дружно шагали в полушубках, ватных брюках, валенках, на голове были теплые шапки-ушанки...

Около нашей деревни на большой лесной поляне весной 1942 года была сооружена ремонтная база для военной техники. В нашей избе вместе с нашей семьей жили командир воинской части и ее комиссар. Они поддерживали нас и материально, и морально.

Когда освободили нас от проклятой оккупации, пришло известие с фронта, что мой отец погиб в бою, обороняя Ленинград. Тяжелая весть для всей нашей семьи и особенно для моей мамы, Елизаветы Ивановны, которой 10 января 1942 года исполнилось всего 23 года. У нее было уже двое детей, а третьим она была беременна. Все эти тяжелые дни оккупации мама вынашивала нашего младшего брата Васю. Он родился ровно через 9 месяцев, как началась война.

Вскоре после окончания оккупации вся наша семья заболела смертельной болезнью – тифом. К моей бабушке, известной знахарке, пришла за помощью женщина из спаленного карателями Суидова и заразила бабушку, а от нее и мы все заразились – и

взрослые, и дети. Всего в семье у нас было пять взрослых и пять детей. Все лежали, на двери была надпись: «Вход запрещен! Карантин!» Чудом выжили все, кроме бабушки. Она умерла 23 февраля 1942 года, ей было всего лишь 47 лет.

Чудом, благодаря которому мы выжили, была соседка Екатерина Тихомирова. Она приходила к нам, ухаживала, готовила еду, несмотря на опасность заразиться. 21 марта 1942 года родился мой младший брат Вася.

Примерно до осени 1943 года у нас располагалась воинская часть, пока фронт не отодвинулся далеко на запад. Когда в деревне были воины – было веселее. Собирались вместе, пели песни, радовались жизни сильнее, чем в мирное время, больше помогали друг другу. Бывало, идут после тяжелой работы перед закатом солнца и поют хором задушевные песни. До сих пор многие песни тех лет звучат в моей памяти.

После освобождения вся молодежь была вывезена из деревни. Кто постарше – прямо на фронт под Велиж, кто погиб, кто ранен был. Совсем юных увезли на Урал, в Нижний Тагил работать на военном заводе. Среди них была и младшая сестра нашей мамы – Аля, ей было 16 лет. Примерно столько же было ее другу Володе Васильеву, которого вместе с ней увезли в Нижний Тагил. В начале 1944 его взяли на фронт, а после войны они поженились.

Когда кончилась война и пришло известие о победе, всей деревней радовались каждому возвратившемуся с фронта. Ждали с надеждой и тех, на кого пришла похоронка. Ждали и мы своего отца долгие годы. И не дождались. Однако вечная память о нем и обо всех, погибших за нашу Родину, будет жить пока бьется сердце.

После окончания школы я уехал в Красноярск, где работал на закрытом военном заводе, выпускающем плутоний для ядерного оружия. В 25 лет поступил в Московский государственный университет им М.В. Ломоносова, на экономический факультет. Позднее защитил в МГУ диссертацию кандидата экономических наук. Занимался созданием автоматизированной системы управления предприятием (АСУП) на ВАЗе (г. Тольятти), возглавлял отдел АСУП на великолукском радиозаводе. Последние 25 лет трудовой деятельности преподавал в Костромском и Великолукском сельскохозяйственных институтах.

Пажетнов Валентин Сергеевич

Перед войной отец приезжал домой на машине, обедать. Иногда он давал мне револьвер, у которого я очень любил крутить щёлкающий барабан. Порою мама, пока отец обедал, сажала меня за швейную машинку, которую я крутил изо всех сил. Но самыми приятными и запомнившимися мне были минуты, когда привозивший отца шофёр сажал меня в кабину «Эмки», проезжал по улице до угла переулка, разворачивался и высаживал меня у калитки нашего дома, широко открывая дверь.

Отец уехал из дома ещё до того, как началась война. Мама сказала, что его долго не будет. Война. На веранде нашего дома я вместе с женщинами слушал, как потом узнал, выступление М.И. Калинина, ничего толком не понимая из сказанного. Но по тому, как насторожились, притихли женщины и беззвучно заплакала мать, аккуратно вытирая платочком слёзы, я понял, что случилась большая беда. Эта беда быстро докатилась до нашего города. Мы забирались под

кровать, когда начиналась бомбёжка. Мама почему-то считала, что там самое безопасное место, если в дом попадёт бомба. Потом за нами приехал солдат на паре лошадей. Мы загрузились в бричку и куда-то поехали. Вдруг началась стрельба, суматоха, возница гнал коней вскачь, всё громыхало, и меня крепко держала сестра. Мне было больно, но я молчал. Оказалось, что мы приехали обратно домой. Когда я подрос, мама рассказала, что мы пытались эвакуироваться перед заходом немцев в город, но не успели этого сделать.

Во время войны я, мама и сестра Вера находилась в оккупации. Прятались в подвале у знакомого врача, так как семью разыскивали в связи с тем, что отец был военным. Ночью мне разрешали выходить из подвала, и я помню, как иногда ночное небо расцветивалось прорезавшими темноту лучами прожекторов и быстро движущимися точками трассирующих снарядов.

У хозяйки дома, Доры Фёдоровны, остались мои рисунки, на которых разноцветными карандашами были нарисованы целые баталии между танками, самолётами и человечками с красными звездами, с одной стороны, и свастикой, и крестами - с другой. На этих рисунках сложно было определить, кто кого побеждает, так как были видны серьёзные потери с обеих сторон. Рисунки лишь однажды мне удалось посмотреть вместе с моей женой, когда мы, молодожёнами, пришли проведать овдовевшую к тому времени Дору Фёдоровну, женщину удивительную по своему образованию, доброте и вниманию к людям. Я не решился попросить отдать мне хотя бы один из этих рисунков. Во время пребывания в подвальном заточении мне давали карандаши и листы бумаги с тем, чтобы я был чем-то занят. Дора Фёдоровна так бережно выкладывала листики на стол, по одному, что я понял: они для неё - особая память той поры, когда

был жив её муж, детский врач, и они рисковали своей жизнью, пряча нашу семью в подвале своего дома.

Город Каменск был освобождён от оккупантов в феврале 1943 года. Мы перебрались в свой дом, в котором проживала моя тётка, талантливый баянист, с детьми - моим двоюродным братом Геннадием, который был старше меня на два года, и его четырёхлетней сестрой Эльзой. Наш дом стоял на второй от реки улице. Первая называлась Набережной. Сразу за ней начинался обрыв - яр, спускавшийся в широкую пойму реки Северский Донец. Едва мы освоились в доме, как Геннадий потащил меня к яру и показал танки, застывшие чёрными глыбами на другой стороне реки. Когда советские войска брали город, первая колонна танков была выбита немцами. Гена рассказал, что в этих танках ещё никого не было и там можно найти всевозможные, очень нужные для нас вещи. Меня почему-то особенно заинтересовала возможность обзавестись увеличительным стеклом. Брат горячо убеждал меня, что там этих стёкол много, и предложил сходить к танкам. Путь оказался неблизким. Донец уже открылся ото льда, но у самого железнодорожного моста, там, где в реке стояли державшие мост «быки», осталась полоска льда, по которой мы и перебрались на другую сторону. На мосту в то время работало много людей - мост ремонтировали. Танки были уже рядом, как вдруг налетели немецкие самолёты и начали бомбить мост. Бомбы падали во всех направлениях, земля подпрыгивала, вокруг всё грохотало, визжали на разные голоса разлетающиеся осколки. Перед нами неожиданно вырос солдат, схватил Геннадия за руку, резко потащил и приказал нам лезть в ближайший танк. Мне запомнилась стоявшая рядом с этим танком, беспрестанно строчившая пулемётная установка и

несколько людей около неё в чёрных бушлатах. Мы залезли в пропахшую гарью машину, за нами с грохотом захлопнулся люк. Сколько времени мы пробыли в танке, кто нас выпустил, куда подевалась пулемётная установка, я не помню. В памяти остались обрывки картин. Запомнилось, как мы брели вместе с другими людьми от моста по берегу реки к каменному валу, на котором уже работала переправа: людей перевозили с одного берега на другой на лодках. Нас тоже перевезли на другую сторону реки в большой лодке. На берегу вдруг оказались моя мама с сестрой, что-то мне кричали, и на этом все воспоминания о походе к танкам обрываются. Позже, из рассказов взрослых, я узнал, что у моста погибли люди, что в мост попала всего одна бомба и не причинила ему серьёзного вреда, что я сильно испугался и не разговаривал целых три дня, и что Геннадию как старшему устроили серьёзную взбучку.

Помню, как весной раскапывали библиотеку, зарытую перед оккупацией в саду. Из ямы, в которой хлюпала вода, доставали слипшиеся, ослизлые книги. Около ямы собрались наши родственники и соседи. От соседского наш двор отделялся невысоким каменным забором. Забор этот никогда не являлся ни физической, ни социальной преградой, и, сколько я помню, с соседями наша семья общалась как с родными. Завернутые в клеёнку, наспех закопанные книги (все говорили, что война должна скоро закончиться) подтекли водой и пришли в негодность. Ещё долго мы с Геннадием использовали для своих важных детских надобностей то кусок заскорузлой кожи, то бронзовую петлю или застёжку из того, что осталось от груды сотлевшей семейной библиотеки.

В глубине нашего двора был сложен из камня-плитняка большой сарай с просторным, высоким

чердаком, предназначавшимся для хранения сена. Внутри сарай был разгорожен на две половины, в которых, по словам бабушки, до войны держали корову и выездного мерина по кличке «Боец». Рядом с сараем, под высоким навесом, стояла вполне исправная двухколёсная тележка - «двуколка», которая использовалась в своё время для выезда.

Была та самая пора, когда фронт только что отступил, и повсюду можно было найти различное оружие. Мы научились различать патроны к любому стрелковому оружию: советского, немецкого, итальянского и румынского производства. Ребята постарше увлекались разряжением различных снарядов, мин, стреляли из немецких винтовок по изоляторам на столбах, бросали под яр немецкие, гладкие как яйцо, лимонки, которые взрывались внизу с резким хлопком, выбрасывая при этом облачко белёсого дыма.

На чердаке нашего сарая организовался уличный «штаб», где собрался целый арсенал различного оружия: несколько автоматов, пистолетов, патроны разных систем и калибров, тяжёлый пулемет на сошках, с дырявым кожухом, закрывавшим ствол. В один из вечеров мальчишки пытались выстрелить из этого пулемёта, но, сколько ни возились, ничего у них не получилось. Потом вдруг кто-то резко застрочил из немецкого автомата - «шмайссера». В углу чердака, куда был направлен автомат, посыпались щепки от разбитых досок, а в самом сарае заголосила женщина. Все бросились бежать, прыгая, как придётся, с высокого чердака на землю. Позже выяснилось, что в сарай по своим надобностям зашла моя бабушка, как раз в тот самый момент, когда раздались выстрелы. Арсенал в сарае ликвидировали «трофейщики». Но в разных потайных местах у ребят оставалось много

оружия, которое время от времени стреляло как бы само собой, вызывая беспокойство у напуганных войной женщин. Это я запомнил по беседам, которые не раз возникали между женщинами нашего двора, заканчиваясь, как правило, слухами о том, что в каком-то конце города в очередной раз убило или покалечило взрывом детей.

Наш старый дом под номером 71 на улице Мусина, который сохранился и поныне, вряд ли можно считать большим: в нём было всего три комнаты. Но он казался мне чуть-ли не дворцом, в котором мирно уживались две наших семьи. Дом не пострадал в войну, хотя рядом с ним упала бомба, и взрывом сорвало часть крыши, крытой железом. Взрывом контузило деда, и он из-за этого прекратил все свои работы по изготовлению баянов. Крышу починили соседи, семья которых традиционно занималась жестяными работами: делали тазы, вёдра, корыта. У них и фамилия была соответствующая - Казанщиковы.

...Изуродованные войной инвалиды, собиравшие днём подаяние на базарной площади и отчаянно пропивавшие собранную дань вечером... Огрубевшие без мужского внимания женщины, лихорадочно использовавшие любую возможность, чтобы накормить своих детей... Безотцовщина и частые драки «один на один» и «улица на улицу», сложившаяся социальная обстановка, когда «похоронка» в соседском доме, известие об убийстве человека бандитами или гибель от неосторожного обращения с боеприпасами были явлением обычным, без времени делали детей взрослыми и безучастными к чужой беде. Как я теперь понимаю, это была своего рода защитная реакция от возможного развития детского невроза.

...Как только мальчишки узнали, что в сарае у «Курилки» лежит тол, решили с помощью этой

взрывчатки «глушануть» рыбу в реке. После весеннего паводка Донец уже вошёл в свои берега, и на реке появились первые лодки. Ящик тола стащили из сарая как раз перед тем, как к дому Егоровны подъехала телега, запряженная парой короткохвостых (трофейных) лошадей с двумя солдатами. Ящики с толом погрузили на телегу и увезли. Найти детонатор, конечно, не представляло никакого труда. В каждом брикете была дырка, в которую как раз и вставлялся детонатор. Было раннее утро, когда двое подростков с нашей улицы и полдюжины малышни, в числе которых был и я, отправились с взрывчаткой к реке. Ящик с толом, завёрнутый в старую простыню, положили на берегу в том месте, где предполагалось провести «рыбалку». Здесь, в 20-30 метрах от берега, была всем известная яма, в которой, по общему мнению, и должна была находиться самая крупная рыба.

Лодки стояли не на самой реке, а в заводи, ближе к крайним домам последней, Набережной, улицы. Были они примкнуты замками, но одну из них удалось быстро отомкнуть и снять с цепи. На цепи, через уключины, были надеты и вёсла, так что старшие ребята вскоре выехали на реку и погнали лодку вверх по течению, к яме. Ящик с толом зарядили детонатором с бикфордовым шнуром, положили в лодку, и двое «рабков», одним из которых был живший недалеко от нашего дома, в Астаховском переулке, Миша Розатусов, выехали на реку. Видно было, как они бросили ящик за борт в том месте, где предполагалась яма, и стали быстро грести к берегу. Неожиданно вздрогнула земля, и сразу за лодкой взметнулся высоко вверх огромный столб грязной воды! От воздушной волны заложило уши. Лодку швырнуло образовавшимся водяным валом, но она осталась на плаву, и ребята благополучно добрались до берега.

Конечно, все разом пустились бежать от места злополучной рыбалки. Горе-рыбаков легко вычислили, всем досталось по заслугам, а Миша Розатусов, которого определили как организатора, подвергся яростным нападкам матерей младших ребят. Вскоре он ушёл добровольцем в армию.

Весной 1943 года приехал «зайцем» на товарном поезде из города Боброва мой старший брат Виктор. В этом городе, в Воронежской области, в старое время было родовое поместье Пажетновых, и Виктор жил там перед войной у родственников. Там он и остался на всё время оккупации. В дороге он простудился и серьёзно заболел воспалением легких. Иногда он кашлял так, что на губах появлялась кровь, и от этого было страшно. Чтобы поставить его «на ноги», мама вынесла из дома всё, что можно было выменять на мёд, какао и сливочное масло. Из этих фантастически привлекательных продуктов и столетника, который знакомые приносили бесплатно, мама готовила для него лекарство. Изредка варился также сахар на молоке, который застывал вкусной помадкой. Помадки перепадало и мне. Запомнившись в детстве, она так и осталась одной из самых любимых моих конфет. Виктор болел больше месяца. Он избавился от кашля, но за время болезни сильно похудел, кожа на лице стала тёмной, как от хорошего загара, на лице сильно выступали скулы, отчего оно казалось квадратным и непривычным.

Вскоре Виктор пошёл работать на завод. Сестра Вера достала спрятанный комсомольский билет и ушла на фронт. До конца войны она прослужила на передовой санитаркой. Рассказывала, как «таскала» раненых, удивляясь своим физическим возможностям. Ростом она едва выходила «в средние», а раненые бойцы были по весу разные... С едой после аккупации было

совсем плохо, но в нашем доме никогда не делили еду между собой. У нас существовало твёрдое понятие, по которому можно было взять хлеба или кукурузной мамалыги столько, чтобы другим осталось по такой же части. Помню, как мама пыталась подкормить меня, обманывая тем, что сама уже что-то съела. Но я знал от старших братьев, что у нас этого «что-то» нет, и не помню случая, чтобы поддался на её уговоры. Если к нам попадала картошка, то обычно её варили «в мундире» и ели в кожуре, аккуратно макая в соль, которой также было «в самый обрез». Иногда Виктор приносил для меня с завода завёрнутые в клеёнку кусочки жареной рыбы с маленьким кусочком хлеба. На заводе рабочим давали обед. Я съедал лакомство, но не мог отвязаться от чувства того, что эта еда принадлежала работавшему брату, а я его объедал. Взрослые легко читали мои «страдания» и весело подшучивали, называя «рыцарем». В памяти осталось преследовавшее меня в ту пору острое желание съесть варёное яйцо с сахаром и хлебом. Почему именно с сахаром, не знаю.

Летом мне исполнилось семь лет, и мама повела меня в школу - «на знакомство». Осенью решено было отдать меня на учёбу в начальную школу, которая почему-то называлась «Базовой». Учительница, с которой беседовала мама, посетовала на то, что я «ростом ещё не вышел», и посоветовала подойти в школу перед началом занятий. Беседовала она с мамой так, как будто меня рядом вовсе не существовало или я представлял собой неодушевлённый предмет при их разговоре. Я так огорчился, что решил наотрез отказаться от обучения, учителей и школы, в которой, по моим понятиям, должен был превратиться в раба. Тот случай встречи с учительницей и мои переживания по поводу

предстоявшей учёбы запомнились, так глубоко я был обижен первым в моей жизни отношением ко мне «Учителя».

...Пойти в школу в том, 1943 году, мне так и не пришлось. Из Нальчика за нами пришла машина «полуторка». Мы загрузились в крытый брезентом кузов и поехали. Я не запомнил, что мы везли с собой, но хорошо помню, что вся задняя часть кузова оставалась пустой. В Нальчике располагался полк, в котором служил отец. Мы поселились в каком-то многоэтажном доме с большим двором, в котором всегда было много детей разного возраста. Но меня почему-то долгое время не выпускали на улицу, и я ни с кем в этом дворе не успел подружиться. Запомнился полковой доктор, который нас осмотрел. Это был большой дядя с белым лицом и пышными усами, и от него сильно пахло духами. Всем нам назначили какие-то лекарства, а Виктора забрали на обследование в госпиталь. В Нальчике я в первый раз ел настоящий шоколад, он помещался в чёрной жестяной баночке, очень похожей на баночку из-под гуталина, только несколько больших размеров. Позже я узнал, что этот шоколад прислали в Россию из Америки.

Полк, в котором служил отец, отправили из Нальчика в Ташкент. Погрузили в вагоны-теплушки, и мы долго ехали по бескрайней степи. Останавливались, заправлялись водой из бочек, которые подвозили к составу на верблюдах и на лошадях местные люди. Здесь же на остановках забивали коров и мясо раздавали по вагонам. Семьи военнослужащих размещались в последних вагонах состава. Наш вагон был в числе пяти или десяти последних. По всей видимости, скот везли в последних вагонах, так как мы всегда могли наблюдать, как разделывалось мясо. Местные жители, которые подвозили воду, с особой

аккуратностью собирали запёкшуюся на земле после забоя коров кровь. Отрезали кусочки ножом и складывали в небольшие мешочки. Зачем они это делали, осталось для меня неизвестным, но я хорошо помню, что эти манипуляции с кровью вызывали у женщин нашего вагона живое обсуждение.

Пищу готовили прямо в вагонах, когда состав двигался. Разжигали на толстом железном листе белые таблетки, которые называли сухим спиртом, и ставили на них, на треножнике, кастрюльки. Треножники эти были настолько низкими, что я приседал для того, чтобы посмотреть на голубоватый огонёк, горевший под кастрюлькой.

Случилось так, что на одной из остановок я отошёл от состава, поймал ящерицу и так увлёкся игрой с ней, что не услышал, как ушёл поезд. Когда я вышел к насыпи, вагонов уже не было видно. Не помню, испугался я или нет и что чувствовал. Видимо, был настолько потрясён случившимся, что в памяти ничего не осталось от того происшествия, кроме того, что я долго шёл по шпалам. Как и когда меня подобрали люди, тоже осталось неизвестным. Помню только, что меня везли на верблюде, в кошёлке, помню отвратительный запах самого верблюда и своё состояние - вывернутый наизнанку от беспрестанного качания в кошёлке собственный желудок. Через два дня я был в Ташкенте, меня сдали в милицию, пришла военная машина скорой помощи, и меня доставили в полковой городок. Когда я пропал, мама подумала, что я ушёл к своим сверстникам в другой вагон и там заночевал. Хватились меня лишь на другой день, когда приехали в Ташкент.

Полковой городок представлял собой обширную ровную площадку, огороженную с трёх сторон глинобитным забором-дувалом. С одной, не

огороженной стороны, протекал довольно полноводный Дархан-арык, который, видимо, и выполнял роль ограды. Нашу семью поселили за территорией городка, в двухквартирном доме с длинной верандой, выходящей на двор с садом. На окнах были непривычные железные решётки - во время войны Ташкент не отличался спокойствием. Задняя часть двора была огорожена старыми, потрескавшимися досками, между которых зияло множество дыр с размерами, свободно пропускавшими детей с одной стороны забора за другую. Сразу за забором протекал Дархан-арык.

Осенью 1944 года я пошёл учиться, а Виктор был призван на службу в армию. Первый раз в школу я шёл с чувством беспокойства и тревоги, с большой неохотой, вспоминая о том, как меня «принимала» учительница в родном Каменске. Но всё обошлось благополучно. Школа оказалась мужской, располагалась в большом, трёхэтажном здании, отгороженном вместе с большим школьным двором от городских улиц высоким забором с воротами. Когда начинались занятия, ворота запирались и выйти на улицу или зайти с улицы на школьный двор можно было только через проходную, где дежурил очень строгий темнокожий узбек, которого все звали «Дядя Негр». На просьбу школьников, выпустить их со двора на большой перемене, чтобы купить сладкой кукурузы, которую продавали сразу за забором школьного двора, «Дядя Негр» улыбался, согласно кивал головой и - никого не выпускал. Так что полакомиться сладкой воздушной кукурузой, которую продавцы скатывали в красивые шары, можно было только после занятий, когда ворота широко раскрывались, и гурьба ребят разных возрастов вываливала из школьного двора. «Мелкоте», к которой я относился, лакомство

доставалось в последнюю очередь, если что-то ещё оставалось у продавцов

В школу я самостоятельно ездил на трамвае, так как родители рано уходили на работу в полк. Три остановки туда, три остановки обратно. Школа располагалась недалеко от зоопарка. Один из учеников жил в доме, который стоял сразу за забором зоопарка. Он рассказал мне, что в зоопарк можно свободно проникнуть из их двора, перебравшись через кирпичный забор, и посмотреть на зверей. Конечно, я напросился к нему в напарники, и мы часто после школы на один-два часа забирались в зоопарк. Нас заметили служители, поймали, выяснили, как мы попадаем на территорию, и разрешили ходить в зоопарк через главный вход совсем бесплатно!

Я был дома, когда пришла Победа! На улице, напротив нашего дома вдруг поднялся шум. Я выглянул в окно. По улице бегали и что-то громко кричали друг другу люди. Охваченный общим возбуждением и любопытством, мало понимая, что происходит, я выскочил из дома. Люди выбегали из всех ближайших домов! Они обнимали друг друга, размахивали руками, плясали. Узбеки, русские, гражданские, военные - все смешались в одном огромном хороводе торжества и радости! Победа! Это было очень важно, очень нужно людям, в жизнь которых врезалась горем, потерями и бесправием война.

На следующий день в полку, на плацу, состоялось торжественное построение, на которое пришли и семьи военнослужащих. Потом играл духовой оркестр и были танцы до глубокой ночи. Мы пришли домой, мама сняла туфли и опустила ноги в таз с холодной водой - натанцевалась.

Ветлова Алевтина Михайловна

Во второй половине 30-х годов малые деревни (жильцов-единоличников) стали сгонять в крупные деревни, где были образованы уже колхозы. В деревне Обже, где жили мои родители Федоровы Михаил Михайлович и Мария Михайловна, а также бабушка с бабушкой, было всего 5 дворов. «Кампания» по образованию колхозов срыли крыши, чтобы эти семьи перестраивались в близлежащей деревне и вступали в колхоз. Наш дом был перевезен и построен в городе Торопце на улице Пролетарской. Была построена и вся надворная постройка, и часть семьи жила уже в городе, в деревне оставалась баня, хлев старый с сараем. Осенью 1941 года надо было остальной семье со скотиной окончательно покинуть деревню Обжа и перебраться в город.

Но началась война и все планы рухнули. Отец ушел на фронт. В конце августа 1941 года немецкие самолеты начали бомбить железнодорожный вокзал.

В нашем огороде на горе стояли зенитки и отбивали каждый налет немецких самолетов. Они не давали им долететь до вокзала. Многие самолеты сбрасывали бомбы и возвращались на запад. Вокруг было много воронок от бомб.

Было решено всей семьей уйти в деревню Бедёнки, к сестре отца. В её доме стали жить 10 человек из них шестеро детей. Сына тёти Дуни ещё до войны взяли в ФЗО и он пропал, даже весточки не прислал. Так мы до сих пор и не знаем, что с ним случилось. А её муж, дядя Федосей прислал с фронта одно письмо, в котором написал, что пишет письмо на пне, и готовятся они к бою. Больше от него никаких известий не было.

Скоро в нашу деревню пришли немцы. Они стали ходить по дворам, отбирать кур, яйца. У деда зарезали

большую свинью, а шкуру бросили за забор. Дед опалил шкуру и из неё стали варить суп. Ловили немцы и кур. Последнюю курицу бабушка Настя сварила нам. Пришли два немца, стали везде шарить, и в буфете увидели варёную курицу. Бабушка Настя схватила эту курицу, а немец пытался её отобрать. Все дети и взрослые стали ее просить бабушку отдать курицу немцу. Но она кричала, что умрет, а курицу не отдаст. «У меня 6 малых детей» - кричала бабушка и курицу не отдавала. Немцы заругались и ушли.

В 1942 году погиб мой брат Николай, который шёл в город. Его расстреляли с самолёта.

После освобождения Торопца от немцев моя мать пошла работать на железную дорогу. Работали они по 12 часов, меняли рельсы, шпалы. Однажды позвонили из Великих Лук, что немецкие самолеты разбомбили станцию. Рабочих железнодорожников посадили на «дрезину» повезли на восстановление путей в Великие Луки. Приехали и увидели полностью разбомбленную станцию. Живых никого не было, лежали изуродованные трупы. Вырыли яму, похоронили, истопили баню. Рабочие обмылись в бане, застирали окровавленную одежду, и мокрыми, на открытой «дрезине», вернулись в Торопец.

В 1943 году умер дедушка, мне не было еще и 3-х лет, но я хорошо помню, как стругали доски на гроб и я подбирала красивые стружки для игрушек.

С 1943 года в Бедёнках находился госпиталь, он располагался в здании канцелярии, в избе-читальне, а в доме моей тёти Дуни в другой половине жил начальник госпиталя Евгений Даневский. Помню, как ему приносили компот, и он всегда говорил: «Девочке налейте». Моя двоюродная сестра Валентина Нилова работала в этом госпитале санитаркой.

В том же году мы из Бедёнок вернулись в Обжу, перебрались в свою баню, привели корову и стали по-новому обживаться.

В 1944 году летом бабушка Настя шла в город и взяла меня с собой. Мы зашли с ней на улицу Пролетарскую посмотреть, что стало с нашим домом. Как сейчас вижу его таким, каким он остался в памяти: стоит дом без коридора, вдали уборная и ничего больше.

В доме - печка, а на полу очень много матрасов, набитых соломой и около каждого шалгуны. Оказывается в доме жили беженцы и была железнодорожная столовая. Из оставленных дома наших вещей ничего не осталось.

Бабушка стала спрашивать: «Когда вы освободите наш дом? Нам тесно жить в бане семьей из 6 человек.

А беженцы отвечали: «Нам некуда идти! У вас хотя бы есть баня!»

О Победе мы узнали от людей, которые ехали в проходящем мимо нас поезде. Все были счастливы, люди целовались, обнимались, плакали.

Вскоре вернулся с войны отец и только к осени 1948 года, мы могли вернуться в свой дом, и я переростком пошла в 1-й класс железнодорожной школы № 17.

Надо налаживать новую жизнь, а годы после войны были тяжелые и голодные.

Калугина (Нефедова) Мария Ивановна

Родилась я 8 декабря 1941 года в оккупированном фашистами городе Торопце в землянке на окраинной улице города Володарской. Приходилось слышать, что люди родились в воздухе на самолете, на воде в корабле, но рождение в землянке под землей – случай

редкий. Но случай этот легко объясним, если вспомнить, что творилось в Торопце в декабре 1941 года. В городе взрывы, пожары, на центральной площади стоят виселицы с казненными патриотами. Фашисты собрали всех евреев города в рощу за ликероводочным заводом и всех расстреляли, в том числе стариков и детей. Как потом установили документы, расстрелянных было 95 человек. В живых остались только те, которых укрывали русские. Но за укрывательство расстреливали и русских. Под прицелом фашистов обреченные на смерть сами вырыли себе глубокий ров и расстрелянными были сброшены в него. Три дня земля ходила ходуном над телами убитых, но не отошедших еще от жизни.

Жилые дома были заселены немцами, немцы выгоняли людей из домов. Когда морозы усилились, такая участь постигла и нашу семью. Невзирая на малых детей, находящихся в доме, нас выгнали на улицу. В доме в это время находилась мать, два брата семи лет и трех лет, полторалетняя сестра и я под сердцем матери внутри нее.

Соседи помогли вырыть нам землянку в огороде, в которой я и родилась. Жили мы в ней до освобождения Торопца, до прихода нашей армии. В землянке не только проживали мы, но спасались от бомбежки вместе с нами соседи.

Военное лихолетье я, естественно, не помню и все описываемое воспроизвожу со слов матери и по воспоминаниям старших братьев. Судьба распорядилась так, что своей жизнью я обязана одной матери. Ни я отца не видела, ни отец меня не видел, так как я родилась, когда он воевал, а может быть, уже после его смерти.

Родители мои были простыми рабочими людьми, жили своим трудом. Отец Нефедов Иван Сергеевич,

1907 года рождения, торопчанин, работал в заготконторе, ездил на лошади по деревням, собирал макулатуру. В этих поездках в деревне Зоборье Колюковского сельского совета познакомился с моей матерью Ефимовой Дарьей Васильевной, 1903 года рождения, привез её в Торопец, и они поженились.

Родители матери, отец Василий и мать Варвара, были коренными крестьянами. Своими руками пахали землю, выращивали хлеб, содержали скот, были примерными хозяевами в деревне, за что при советской власти были раскулачены. Накопленным богатством, заработанными царскими деньгами, после революции оклеивали в доме стены, дети играли ими в игрушки.

Отца призвали на фронт в первые дни войны. Жарким июньским днем 1941 года семья (по рассказу матери) отправилась на станцию провожать отца. Народу было много, люди шумели, плакали, прощались с родными. Была подана команда «по вагонам!», моя семья попрощались отцом и отправились домой в горьком состоянии. Мама рассказывала: «иду, спотыкаясь, старший Сергей бежит впереди, трехгодовалый Борис еле плетется, от жары утомился, просится на руки, а у меня на руках полугодовалая Зоя и сама беременная тобой. Иду и дороги не вижу, слезы застилают глаза. Как дальше жить буду, как детей поднимать?».

Мама была женщиной тихой, малограмотной, но строгой и честной. Нас постоянно наставляла: «Никогда чужого не брать!». В жизни мы хранили ее слова как талисман. По этому поводу мной вспоминается такой случай. В голодное послевоенное время мама отправила меня зачем-то к соседке. Жили они неплохо, у них была корова. Иду по сеням их дома, смотрю стоит чугунок вареной картошки. Картошка крупная, идет

душистый пар из нее. Так мне захотелось взять и съесть хоть одну картошину, но не смогла, проглотила слюну и пошла дальше.

Мама всегда была для нас примером. Она говорила: «Вот как было трудно, часто сама ложилась спать голодная, а вас никого по миру не пустила». И не только не пустила по миру, но всех выучила, воспитала и вывела в люди достойными людьми.

Братья Сергей и Борис пошли в школу во время, сестра Зоя тоже, а меня мама не отдала в школу вовремя, одеть и обуть было нечего. К 9 годам соседи собрали мне кое-какую одежду, мать сшила сумку из клеенки, и я отправилась в 1 класс в железнодорожную школу на ул. Шевченко. Никто меня не провожал, иду одна, дороги не знаю. Встретилась на дороге женщина, провела меня до школы, указала, куда заходить. Закончив 5-й класс, на летних каникулах в 14 лет пошла на работу на кирпичный завод в районе Харино. За 3 месяца каникул (вместо отдыха) заработала себе на пальто, в котором и окончила 9 классов в этой школе. После 9-ти классов уехала в Ростовскую область к старшему брату Сергею, который жил там с семьей. Поступила там на работу в воинскую часть рабочей. Проработав 3 года, соскучилась по дому и матери и вернулась домой. Но с матерью пришлось пожить лишь 2 недели. В 1961 году мать трагически погибла. Работала она сторожем в ларьке у ликероводочного завода, где продавалась водка. Ночью двое пьяниц, решив напиться и проникнуть в ларёк, убили маму. Утром их нашли по свежим следам, судили, главного организатора приговорили к расстрелу. Раньше суд был справедлив.

Похоронив маму, поступила на работу на ликероводочный завод, тогда он назывался спиртзавод. В декабре 1961 года вышла замуж. Справив скромную

свадьбу, стали с мужем обустраивать семейную жизнь. Муж Калугин Николай Михайлович проходил в Торопце действительную военную службу и после демобилизации поступил на работу в строительную организацию города. Проработав в ней несколько лет, получил благоустроенную квартиру в районе Черёмушек, где я проживаю и сейчас.

На ликеро-водочном заводе я проработала по 1967 год. Пошли дети, у меня родились 2 дочки, оставить их было не с кем, и я уволилась с работы. Потом я устроила дочек в детский садик и сама устроилась на работу на старый мясокомбинат. Еще раньше это предприятие называлось «Бойня». Сложилось в жизни так, что с этим патриархом Торопецкого мясокомбината мне пришлось познакомиться еще ребенком.

Во время оккупации немцы резали на «Бойне» скот, отобранный у населения. Мама ходила туда, объясняла немцам, что у нее дома голодают дети, просила что-нибудь дать для еды. Немцы хохотали, кричали: «Матка! Матка!», но кидали ей кое-что: то требух, то ливер, то другие отходы. Мать собирала все это, несла домой и кормила нас. Так выживали.

Все моя трудовая жизнь была связана в основном с мясокомбинатом, где я проработала 25 лет. Поступив на работу на старый мясокомбинат в 1969 году, я проработала там 8 лет. Все делалось там вручную, работа была очень тяжелой. Со сдачей в эксплуатацию нового мясокомбината в 1977 году, всех рабочих перевели на работу туда. Хотя мясокомбинат считался современным механизированным предприятием, работа там была нелегкой, хватало и ручного труда. Скота на мясокомбинат поступало очень много, скот не успевали забивать, работали по 10 часов в сутки. Я работала нутровщицей по 6-му высшему разряду, но могла заменить любого работника и в целом, пришлось

работать на всех операциях. Среди работников предприятия была на хорошем счету, неоднократно поощрялась грамотами и денежными премиями. Избиралась депутатом районного совета, где состояла 2 созыва.

В 1994 году мясокомбинат закрылся. Мне оставалось до пенсии 2 года, и я устроилась на работу на железнодорожной станции. В 1996 году вышла на пенсию, но проработала там до 2001 года, проработав на пенсии 5 лет. Мой трудовой стаж составил 40 лет.

Несмотря на горькое детство и тяжелый труд на производстве, я считаю себя счастливым человеком. Счастье вижу в том, что меня воспитали честные родители в лице матери, горжусь своим отцом, отдавшим свою жизнь за нашу свободу. В моем потомстве, кроме двух дочек, 4 внука и 4 правнука. Вместе с зятем – это 9 мужчин. Я уверена, что все они могут стать достойными защитниками Родины, если придется, могут быть достойными своего деда и прадеда.

Моим любимым занятием на пенсии является чтение книг и вышивание. Являюсь постоянным читателем районной библиотеки. Люблю посещать лес в разное время года. Собирать грибы, ягоды, вывозит дочка. Люблю цветы.

Живу под постоянным приглядом детей и внуков, за что я им очень благодарна.

Лазеева Елена Сергеевна

Как сейчас помню ясное тихое летнее утро 22 июня 1941 года. День предвещал быть жарким, и мы ватага детей, спозаранку убежали на реку купаться. А в 10 часов утра В.М. Молотов выступил по радио с обращением к советскому народу: «Дорогие

соотечественницы! Коварный враг перешел границу Советского государства и топчет нашу землю. Родина в опасности!!

Все на борьбу с ненавистным врагом!..

Когда мы прибежали с речки, то взрослых людей было не узнать, все плакали и произносили одно слово: «Война!»

Мы поняли, что случилось что-то страшное...

22 июня уже многим мужчинам были вручены повестки - явиться в военкомат для отправки на фронт. И в последующие дни июня-июля продолжалась мобилизация Советской Армии...

Немецкие фашисты в это время все глубже и глубже вторгались на территорию нашего государства, повсюду сея за собой смерть, разруху, голод.

В это время подростки, юноши и девушки лет 14-17 были мобилизованы рыть окопы, рвы на реку Ловать, ставить противотанковые ежи чтобы преградить путь немецким танкам...

Во второй половине июля 1941 года немцы были на территории Плоскошского района, занимали одну деревню за другой: Волок, Дуброво, Никулино, Старое, Сельково, Мерелево, Монастырево, Сидоровская, Сабурово, Волковская, Понизовье и другие....

Жители этих деревень бросали дома все, что было нажито трудом многих лет, убегали в леса. Так жители деревень Дуброво, Сенецкое, Вомурово убежали далеко в лес за деревню Пустыньки.

Подроспели части Советской Армии, и начались кровопролитные бои за Волок, Дуброво, Никулино и другие деревни.

В одном из таких боев деревни Дуброво и Никулино сгорели дотла. Был взорван железный мост через реку Сережа. Но силы были неравными. Наша армия отступила, неся потери в живой силе.

Великие были потери и у немецких фашистов: всюду были немецкие кладбища с березовыми крестами.

Наша территория, т.е. бывший Плоскошский район оказалась занятой фашистами. Начались мрачные суровые дни немецкой оккупации (август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь и начало января 1942 года).

Фашисты отбирали у населения скот, хлеб, другие продукты питания, теплые вещи, обувь. Убивали мирных жителей, если те пытались оказывать малейшее сопротивление.

На занятой территории, в деревнях немцы поставили старост из числа людей, оказавшихся предателями своей Родины. В деревне Зуево была немецкая волость. Старосты в деревнях отбирали у населения хлеб, продукты питания, теплые вещи: носки, варежки, валенки, обувь.

Все это они отвозили в волость в деревню Зуево.

На территории Плоскошского района действовал партизанский отряд. Народные мстители всячески старались вредить немецким захватчикам. Они устраивали засады, отбирали награбленное добро, убивали немецких солдат...

Была разгромлена и немецкая волость в деревне Зуево. Здание, в котором расположилась немецкая волость, было сожжено, все было разгромлено, уничтожено. В этой операции принимала участие учительница Понизовской семилетней школы Вера Ивановна Щербакова (она была партизанка). Она была тяжело ранена. А те, кто решился работать на немцев в этой волости, понесли заслуженную кару.

В конце января месяца 1942 года части Советской Армии освободили город Торопец, затем Плоскошский район, деревни от немецкой оккупации.

Радости нашей не было конца, когда ранним январским утром увидели советских солдат на улице своей деревни в шапках с красными звездочками.

Наша Армия пошла в наступление, и фронт отодвинулся от нас на запад и северо-запад, в направлении к городу Холму Новгородской области и станции Локня.

Мы продолжали жить, трудиться, помогать нашей Армии громить ненавистного врага». Все для фронта, все для Победы!» - было девизом нашей борьбы.

Было очень трудно. Не было хлеба, соли, керосина, мыла, т.е. самого необходимого...

Но мы жили с глубокой верой в то, что все это временно, что все это кончится, что придет Победа и наступит настоящая жизнь.

Мы работали наравне со взрослыми: приходилось косить, молотить вручную рожь, вскапывать лопатами колхозное поле, ходить в город Торопец за семенами пешком, несли за плечами 24 килограммов овса для посева колхозного поля, т.е. надо было возродить жизнь родного колхоза. Так прошли 1942 - 1943 военные годы.

Осенью 1944 года в сентябре меня отправили в город Бежецк за овцами. Было нас семь человек гонщиков. В конце сентября мы пригнали 200 голов овец на наш район для восстановления, разрушенного войной хозяйства.

С 1 октября 1944 года открылась школа в деревне Понизовье. Я сразу пошла в 7 класс, пропустив два года, самых трудных в истории Великой Отечественной.

Было трудно очень. Война продолжалась.

Очень трудно было с продуктами питания. Не хватало хлеба. Не было одежды, обуви...

В школе не было парт, бумаги, чернил, книг. Собрали мы книги, которые уцелели, принесли учителям и стали заниматься. Писать приходилось на газетах между строк чернилами, сделанными из сажи.

Сами заготовливали дрова, чтобы отапливать помещение. Но учиться не бросили.

Пришла весна 1945 года, долгожданная весна, а с нею и Победа. Ранним утром 9 мая 1945 года пришла весть из сельсовета деревни Понизовье: «Война окончена. Советская Армия победила!» Этот день запомнился мне на всю жизнь. Люди радовались, плакали и обнимались...

Радовались от того, что кончилось кровопролитие. Плакали от того, что те, которые пали в боях за Родину, никогда не придут к родному дому, к своей семье, где их так ждали и продолжают сейчас ждать...

Запомнился мне тот день летом 1945 года, когда вернулся с фронта наш отец Галактеев Сергей Васильевич. Вернулся контуженный, раненый.

Домик наш, что стоял на краю деревни Волковская, уцелел, целы и его все десять детей, мать наша, что спасла нас от голода и холода в трудное военное лихолетье. Стоим мы все худые, бледные, одежда - что на нас. Окинул он (папа) нас всех своим взглядом и сказал: «Ну, вот и хорошо, что вы все живы остались. Теперь будем жить по-новому».

И сегодня, вспоминая прожитые годы, я хочу сказать своим родителям: «Большое Вам спасибо за воспитание своих детей».

Они старались воспитать нас, прежде всего, честными, правдивыми, трудолюбивыми. Их сейчас уже нет в живых. Но живы их дети, внуки со своими семьями, которые трудятся в разных уголках нашей необъятной Родины-матери, в различных сферах народного хозяйства. И в заключение хочу сказать,

чтобы те ужасы Великой Отечественной войны никогда не повторились, чтобы человечество шагнула в 21 век, безъядерный век, без войны!

P.S. Вспоминая все пережитое, я как бы вновь перечитала давно прочитанную книгу, которая поведала мне о моем детстве, о трудных годах моей кипучей юности, когда приходилось жить, бороться с невероятными трудностями, вносить посильный вклад, для победы над ненавистным врагом, сознавая то, что есть и твоя капля крови в разгроме врага...

*Лазеева Е.С.
14 декабря 1988г.*

Воробьев Александр Дмитриевич

Я, Воробьев Александр Дмитриевич (1920 г.р.) воевал в составе 2-го Прибалтийского фронта 816-м Артиллерийском полку. Командиром 281-й дивизии был Коростылев, а полка - Сафронов.

Наступая в прибалтийских республиках: Эстония, Латвия, Литва, Польша - немцы, при отступлении в городах и населенных пунктах вели ожесточенные сражения с противником и переходили в контратаку. Наши войска преодолевали сопротивление противника, вели ожесточённые сражения с противником, освобождали города и населенные пункты.

Проживающие в освобожденных пунктах люди, торжественно встречали освободителей. Подойдя к границе Восточной Пруссии - городу Эльбингу немцы сосредоточили большое количество пехоты, артиллерии, минометов и другой техники: первый

рубеж обороны был 4 км от города, где стоял кирпичный завод.

Это было 4 апреля 1944 года. Нашим войскам, был дан приказ под прикрытием ночи, сосредоточится на огневые рубежи фашистов. Первая батарея получила приказ установить прямую наводку, для подавления огневых точек противника в кирпичном заводе - приказ был выполнен. А 6-я батарея должна была подать огонь красной ракетой, - это значило, что нужно открывать по противнику огонь и переходить в наступление. Но на рассвете противник заметил первое орудие 76-мм. пушку и открыл огонь из миномета. Я в то время находился с орудием, которое должно открыть огонь прямой наводкой, подавить пулеметные точки в амбразурах кирпичного завода. Наводчик, который находился около панорамы, был тяжело ранен, а ещё один боец из расчёта был убит. Несмотря на ранение правой руки, в плечо, забывая о боли, мне удалось навести орудие на огневую точку противника и заставить замолчать немцев. В это время наша пехота поднялась из траншей, первого рубежа и с криком «Ура!» выбила противника из кирпичного завода и завладела им. Но немцы и, отступая, продолжали сопротивляться, стреляли из автоматов, пушек и другого оружия. Вдруг с фланга миномётов и артиллерии к 8.00 появились танки. Я стрелял по танкам с бронебойных снарядов, после двух выстрелов получил ранение в голову и потерял сознание. Меня доставили в госпиталь. В госпитале под наркозом, мне было сделано две операции. Из головы удалили несколько осколков. Позже я узнал, что к исходу дня был взят город Эльбинг.

За эту операцию я был награжден орденом «Красной звезды». После госпиталя, через полтора месяца был снова направлен на фронт в свой артполк.

Войну я закончил с большим количеством наград и благодарностью от Верховного правительства.

Сейчас я имею медаль за взятие реки Волхов, медаль за взятие многих городов, орден «Красной звезды». И послевоенные награды 20 лет, 25 лет Вооруженным силам. В настоящее время я нахожусь на заслуженном отдыхе, но продолжаю трудиться. За хорошую работу имею поощрения и 5 почетных грамот.

Оглавление

Александрова Мария Петровна	3
Моисенко Евгения Захаровна	7
Яковлева Любовь Ивановна	11
Новикова Лидия Ивановна	13
Павлова Надежда Никифоровна	19
Олехнович Антонина Фёдоровна	26
Орлова Мария Васильевна	28
Иванова Татьяна Дмитриевна	31
Сырицына Анастасия Ивановна	36
Логунов Евгений Андреевич	39
Пажетнов Валентин Сергеевич	45
Ветлова Алевтина Михайловна	58
Калугина Мария Ивановна	60
Лазеева Елена Сергеевна	65
Воробьев Александр Дмитриевич.....	70

Остался в сердце вечный след войны

Народная летопись

Ответственный за выпуск - А.В. Латышева

Составитель - Л.И. Медведева

Компьютерный набор - Л.И. Медведева,

А.А. Лапченко

Воспоминания Л.И. Новиковой, Л.И. Яковлевой,

М.В. Орловой, А.Ф. Олехнович

записаны Л.Е. Ефимовой.

Художественное оформление и верстка –

А.А. Лапченко

В издании использованы фотографии
из личных архивов торопчан

Тираж: 1 экз.

Сектор АБИТ

МУТР «Торопецкая центральная библиотека»

172840 Тверская обл.

г. Торопец, ул. Советская, д.35а

kniga_tor@mail.ru

www.toropec.tverlib.ru